

ЯН ВАЛЕТОВ

ЧУЖИЕ СНЫ

Современная остросюжетная проза

Ян М. Валетов

Чужие сны

«Фолио»

2018

УДК 821.161.1(477)

Валетов Я. М.

Чужие сны / Я. М. Валетов — «Фолио», 2018 — (Современная
остросюжетная проза)

ISBN 978-966-03-8383-8

Есть мир, умирающий от жара солнца. Есть мир, умирающий от космического холода. И есть наш мир – поле боя между холодом и жаром. Существует единственный путь вернуть лед и пламя в состояние равновесия – уничтожить соперника: диверсанты-джемперы, генетика которых позволяет перемещаться между параллельными пространствами, сходятся в смертельной схватке на улицах земных городов. Писатель Денис Давыдов и его жена Карина никогда не слышали о Параллелях, но стали солдатами в чужой войне. Сможет ли Давыдов силой своего таланта остановить неизбежную гибель мира? Победит ли любовь к мужу кровожадную воительницу, проснувшуюся в сознании Карины? Может быть, сны подскажут им путь к спасению? Странные сны. Чужие сны.

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-8383-8

© Валетов Я. М., 2018

© Фолио, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	48
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ян Валетов

Чужие сны

Серия «Современная остросюжетная проза» основана в 2018 году

Макет обложки *Всеволода Малиновского*

Художник-оформитель *Е. А. Гугалова-Мешкова*

© Я. М. Валетов, 2018

© В. В. Малиновский, макет обложки, 2018

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Предисловие

История написания этой книги началась в далеком 2012 году.

Я как раз закончил работу над «Проклятым» – надо сказать, тяжелую, изнурительную работу.

К тому времени стало понятно, что от меня читатель ждет не исторический роман о возникновении христианства, хоть и сдобренный боевиком, а повторения «Ничьей Земли», в любом виде: приквел, сиквел, вбоквел...

Мне же не хотелось рассказывать уже рассказанную историю, отказывался, издатель упорно вставлял историю Иегуды и Иешуа в серию «Фантастический боевик», в общем, все складывалось не самым лучшим образом.

Мы с женой возвращались домой из Киева машиной. 500 километров дороги – прекрасный повод включить воображение, особенно когда есть помощник. Тут самое время поблагодарить за «Чужие сны» мою супругу Лесю, потому что без нее этой книги точно бы не было.

– Слушай, – предложила она, – напиши пока мистический триллер! Ты же никогда не писал в этом жанре!

(Те, кто меня знает, сейчас поняли, на какую чувствительную нотку попала моя жена. Новый жанр – это непреодолимый соблазн!)

– Гм... – сказал я. – Ну давай-ка подумаем...

И мы подумали. И придумали историю супругов, которые видят чужие сны, а на самом деле в этот момент путешествуют по параллельным мирам. Зачем? Конечно же потому, что их миры в опасности! Мы еще немного подумали и придумали развести мужа и жену в одном мире по разные стороны баррикад – пусть воюют друг с другом до полного изнеможения. Потом мы решили, что их конфликт на одной стороне должен влиять на их взаимоотношения на другой. Это было хорошей идеей. Скелет начал обрастать мясом.

Мы приехали домой, и я записал все нами придуманное в виде синопсиса. И хотя моя жена отказалась быть соавтором книги и писать ее вместе со мной, но пусть читатель заранее знает, что это все не один я придумал, это у нас семейное.

Конечно, книга отличается от синопсиса, как реальные события от показаний свидетелей. Я использовал в ней еще один сюжет, который дождался своей очереди в закромах, придал путешествиям между параллельными мирами псевдонаучный вид, добавил альтернативную историю мироздания, придумал Извечных...

Роман писался легко и быстро, глава за главой, я уже планировал, что он увидит свет в конце 2013 года, но... Человек предполагает, а кто располагает, вы уж сами определитесь.

Грянули события 2013–2014 годов, и основательно потолстевшая за месяцы работы рукопись легла в ящик, откуда я ее извлек уже после «1917» и «Лучшего возраста для смерти», в 2018-м. Много изменилось за это время, и книга в том виде, в котором она задумывалась, сильно опоздала. Другие рынки, другие заботы, другие читатели.

Вернувшись к написанию, я вдруг понял, что тон книги должен быть другим, что пишу я не фантастический мистический триллер, а роман-мистификацию, в котором есть и намеренная стилизация под сами поймете кого, и откровенное ерничанье, сами увидите над кем, и сатира, сами увидите по какому поводу, и политика, и любовь, и...

Таким образом, все есть, вплоть до розыгрыша – сами поймете где.

В общем, мистический триллер у меня не получился. Получился странный гибрид из городского романа, приключений, научной фантастики, романа катастроф и просто фантастики. Так как даже мне не удастся точно определить жанр уже написанного произведения, мы с издателем договорились считать «Чужие сны» фантастическим романом. Хао! Пусть будет

так! В конце концов должен же я соответствовать тому, что обо мне пишут? Сказано же – писатель-фантаст!

Реальность ворвалась в книгу, заставила вспомнить о том, что в 2012-м казалось мне неважным. Я не поменял идею, не поменял основную мысль, не поменял симпатии и антипатии, но интонация... Интонация изменилась, потому что изменилась жизнь вокруг нас. Этой книге шесть лет, четыре из которых она провела в летаргическом сне, но проснулась, чтобы родиться на свет измененной. Я не знаю, понравится ли она вам, но в ней я старался быть самим собой, пусть не таким, каким меня знает большинство читателей, но все таки – собой.

Со мной оставался мой старый друг, коллега и редактор Александр Данковский. Спасибо ему за это. Поверьте, редактировать меня – тяжелый труд.

Обложку нарисовал мой постоянный художник и старый друг Всеволод Малиновский, и она намеренно олдскульная – когда прочтете книгу, поймете почему. Спасибо, Сева, я очень ценю твое понимание идеи и умение поймать суть.

Спасибо семье, которая терпит мое писательское хобби, забирающее столько времени.

Спасибо читателям, которые в меня верят.

И еще раз спасибо моей жене Лесе за чету Давыдовых и все, что с ними приключилось. Пока я писал «Чужие сны», ты все время слала мне ссылки на разные катаклизмы, происходящие на планете – цунами, землетрясения, ураганы, – и просила закончить роман так, чтобы все было хорошо.

Уверяю тебя, все будет хорошо! Мир в надежных руках, и с ним ничего плохого не случится!

Глава 1

Варшава. Международная книжная выставка. Стенд издательства «Прометей». Октябрь

– Скажите, господин Давыдов, вы как писатель несете людям «разумное, доброе, вечное...»?

Молодая девчонка. Интересно, знает она, кто впервые сказал про «разумное, доброе, вечное...»? Глаза умные, наверное, знает. Читала.

– Можете говорить по-русски, – пошутил Денис. – Я все еще понимаю.

Собравшаяся на стенде публика заулыбалась робко, поглядывая на «русский пул», который подтянулся к началу встречи почти в полном составе. Украинских журналистов на выставке было раз-два – и обчелся. Или денег не хватало, или желания, но околотитературная пресса была представлена слабо, чтобы не сказать «никак». Зато российские издания приехали в полном составе. Раньше Денис бы порадовался: раз приехали, то напишут обязательно, а сейчас ждал подвоха. Так часто бывает, когда переходишь из разряда любимцев в разряд «глаза б мои тебя не видели».

– А я не считаю, что писатель должен нести в массы разумное, доброе и вечное. Кто вам сказал, барышня, что писатель должен хоть что-нибудь куда-нибудь нести? Мне больше нравится мысль Стругацких: писатель – это больная совесть. А больная совесть – она просто болит.

– Вы считаете себя совестью народа? – барышня на русский не перешла, продолжала задавать вопросы на английском, и неплохом английском, надо сказать.

Ох, какая неумная девица! На барышню, наверное, обиделась!

– Какого народа, барышня? Я в затруднении! Мне повезло родиться и вырасти в Киеве, сейчас мы с женой бываем то в Берлине, то в Барселоне, то в Нью-Йорке... Раньше вот в Москву и Питер ездил, как к себе на дачу, но тут вмещались обстоятельства, ничего не попишешь... И везде у нас друзья, родственники, и везде мы чувствуем себя как дома... Совестью какого народа вы мне прикажете быть? К какой нации себя отнести? Я пишу о людях, не о народах. Меня волнуют не национальные проблемы, а общечеловеческие.

Это была очень зыбкая почва, Давыдов прекрасно понимал, что сейчас подтянется тяжелая артиллерия. Любимый конек – националисты, нацисты, Майдан, переворот, американское влияние и как вы относитесь к событиям в Киеве? Поддерживаете ли вы нынешнюю языковую политику? Вы же пишете на русском, если мы правильно помним? Почему не переходите на соловьиную? И несколько слов про героизацию...

В первое время он переживал и пытался что-то доказывать. Потом злился. Потом свирепел. Теперь же предпочитал иронизировать и отмораживаться.

Все равно каждый раз происходило одно и то же – что во Франкфурте, что в Вильнюсе, что в Варшаве. На стенд приходили старые знакомые (с которыми в свое время был выпит не один литр водки) и, кривя рот, говорили с Давыдовым как с младшим непутевым братом, слабоумным с рождения. Мол, как же это ты так, Давыдов! Ты же наш! Что ты там забыл, предатель?

В Москве и Питере Давыдова теперь не любили – не поддержал идею, манкурт! Ату его! Ату! Книги Дениса давно исчезли из рейтингов, остатки некогда больших тиражей допродавались по складам, критики писали о нем, как о покойнике, который и при жизни-то был графоман графоманом, но публику исхитрился ввести в заблуждение.

И милую барышню сейчас пустили на него, как минный тральщик, чтобы расчистить фарватер для корабля побольше. Интересно, что на этот раз? Кто у нас сегодня главный калибр?

– Разве ваш роман «Факельное шествие» не о национальных проблемах? – это уже прозвучало по-русски. Причем, с московским говорком – Давыдов прекрасно различал акценты.

Денис повернулся на голос.

Это Кротов, «Литературная газета». Он! На линкор или крейсер не тянет, но в качестве противолодочного корабля – вполне. Все-таки выставка в Варшаве, сюда Соловьева не пошлешь! Приходится обходиться рыбками помельче!

Кротов – тот еще кадр! Старый, проверенный, верный – настоящий шакал пера! Грузный, потный, с лицом, на котором написано хроническое несварение и многолетний запор. Желчный, злой, сочащийся недоброжелательностью, как гнилое мясо – красной жижей. Давыдов-беллетрист для него всегда был недостаточно высоколоб, но писать о нем приходилось: он модный тренд! Его переводят! У него большие тиражи на западе и в бывших советских республиках, и читатели ходят за ним, как собачья стая за течной сукой! Какая несправедливость – уделять внимание писателю, который не желает писать скучно, не любит интеллектуальную прозу, не смотрит на коллег по цеху, оттопырив нижнюю губу, и не поддерживает нынешнюю идеологию страны, на языке которой, мерзавец, имеет счастье творить!

– Нет, господин Кротов. «Факельное шествие» – не о национальных проблемах: это книга о реинкарнации нацизма. Она о нацизме и нацистах, какими мы видим их сегодня. О том, что они – реальность.

– Очень неpolitкорректная книга, – заметил Кротов походя. – Особенно в вашем нынешнем положении и для вашего нынешнего окружения.

Ответ его не интересовал, он заготовил речь заранее.

– Если бы ее написал какой-нибудь политик левого толка, то это было бы в порядке вещей. Но вы не политик, вы автор жанровой литературы, причем в стране, для которой пишете на языке врага. Но вы – разрешенный враг и позволяете себе ерничать, издеваться над серьезными проблемами, зло подначивать и читателей, и власть. Вы, наверное, чувствуете себя, как шут при королевском дворе – в полной безопасности. Вам же все прощают...

– Точно! – воскликнул Давыдов, изображая радость.

На самом деле он некоторое время раздумывал, не устроить ли прямо сейчас безобразную сцену с мордобитием, но представил себе, с каким ликованием этот литературный червь от критики получит телесные повреждения и начнет всем демонстрировать разбитый пятак, и от интересной в общем-то мысли отказался.

– Конечно же вы правы! И какое точное, исторически оправданное сравнение! Шут при дворе! Мне все можно! Низкий жанр! Прекрасное положение, господин Кротов! Не находите? Могу говорить что хочу! Писать что хочу! Ездить куда хочу! И нет надо мною ни цензора, ни главного редактора. Я имею право быть неpolitкорректным. Меня за это не уволят, потому что я нигде не работаю. И обязательно где-нибудь издадут, потому что меня с удовольствием читают. Не у вас, конечно, но, как выяснилось, это не самое большое горе. Великое преимущество автора жанровой литературы – меня никто не принимает всерьез, но зато все читают! А если читают, то и переводят. А если переводят, то, значит, продают. А вас и ваших протеже конечно же принимают всерьез, но, увы... Улавливаете разницу?

Кротов криво усмехнулся, рассматривая оппонента, как высший примат рассматривает какого-то земляного червяка, только что обнаруженного в куче палых листьев, но ничего не ответил.

– Значит, для вас, Давыдов, наступили золотые времена? Остались без конкурентов?

«Вот скажу. Да и хрен с ним! – подумал Денис, ухмыляясь в ответ. – Наткнуться бы на него без свидетелей, вечером... Нет. Не получится. Убежит. Да и нельзя – Европа все-таки! Но как же чешутся руки...»

– Конечно же, господин Кротов! А еще мы остались без вас, о чем жалею с утра до вечера. И без возможности хвалить мудрость вождя! И без необходимости поддерживать его политику!

– Вы, Давыдов, – сказал Кротов, ухмыляясь, – теперь поддерживаете другую сторону. Заокеанскую. Вам так удобнее. И хвалите своих новых вождей. Но при этом пишете на русском! И рано или поздно вам ваши новые хозяева это припомнят!

Девочка, переводившая разговор на польский, с недоумением посмотрела на Дениса, зрители на стенде возмущенно загудели.

Денис сделал успокаивающий жест рукой.

– Понимаете, Кротов, язык – не ваша собственность, и слава Богу. Это язык миллионов моих земляков, моих родителей. Это язык моей мамы, а вы пытаетесь сделать его языком врага. Я понимаю, что вам неприятно, что меня читают и в Варшаве, и в Москве, и в Киеве. Но вам придется с этим смириться и жить. А кто мне и чего припомнит, я уж как-нибудь сам разберусь. С вами мы на сегодня закончили... Переходим к следующему вопросу.

Давыдов медленно разжал кулаки. На ладонях остались следы от ногтей.

– Господин Давыдов!

Незнакомая женщина лет тридцати пяти – сорока, лицо такое незапоминающееся, что хоть раз сто встречай, не узнал бы – набор среднестатистических черт, накрытый сверху жиденьким каре мышиного цвета. Одетая, правда, ярко, но и это не спасает. На бейдже что-то написано: синие буквы на желтом фоне, наверное, название газеты, но какой именно – не разглядеть, да и не важно.

Важно улыбаться.

– Вас называют писателем-фантастом, Денис. И в каждой вашей книге есть фантастическое допущение. Почему именно фантастика для вас – основной жанр?

Голос у нее несколько лучше внешности, но не намного, хотя она пытается припустить чуть хрипотцы для сексуальности, только получается похоже на хронический ларингит. Но вопрос нормальный, без второго дна. Возможно, она даже читала «Факельное шествие». Или «Плохие новости на понедельник».

– А почему нет? Чем фантастика хуже исторической драмы? Или городского романа? Скажите, Анна Каренина существовала в реальности? А каким был Кристоаль Колон, если он был? Тарас Бульба, князь Серебряный, Захар Беркут, д'Артаньян? Кто они? Исторические фигуры, плод воображения авторов? Вот Сенкевич выдумал Богуна или описал? Или и то и другое? Весь мир, который мы помним, выдуман писателями! Мы знаем войну 1812 года по роману Льва Толстого, революцию – по Лавреневу, Бабелю, Алексею Толстому. Все – войны, катаклизмы, великие открытия, научные свершения – для нас сохранили писатели. Кто из обычных людей станет читать хронику, когда есть романы? Восстание Спартака – это Джованьоли, ад – это Данте, Южная Америка – это Маркес. Каким останется в истории политик, зависит не от него и даже не от его дел, а от летописца. Что мы будем вспоминать о событии через 20-30-50 лет, зависит от того, что напишут о нем писатели.

– И журналисты! – не выдержал Кротов. – Между прочим...

Денис решил реплику не игнорировать, но подержал паузу, дожидаясь, пока закончат перевод на польский.

– В первом приближении – и журналисты тоже. Но статья живет несколько часов, в лучшем случае несколько дней или месяцев. Книги более долговечны, особенно хорошие книги. Мир, в котором вы живете сейчас, придуман нами – писателями, уж простите за нескромность! Все вы – если мне придет в голову описать сегодняшнюю встречу – станете плодом моего воображения, оставаясь при том обычными земными людьми! Да, это так... Воображаемое и реальное – это даже не Инь и Янь. Это просто одно и то же, и через несколько лет после того, как

события произошли, никто не знает, что придумано, а что нет. Да что там – через несколько лет! Слышали притяжку: врет как очевидец?

По залу прокатился легкий смешок.

– Меня считают фантастом, – продолжил Давыдов, улыбаясь, – но я не пишу фантастику. Я пишу о том, что мне интересно, что меня волнует. Мне надо сделать книгу такой, чтобы вы ее запомнили, чтобы порекомендовали прочесть ее вашим друзьям и близким. И если для этого нужно фантастическое допущение, то я с удовольствием его сделаю. И оно станет реальностью для тех, кто роман прочтет, полюбит моих героев и проживет с ними придуманный мною кусок жизни. Это не фантастика, это просто литература. В литературе нет высоких и низких жанров, есть хорошие писатели, которые пишут интересные книги, и плохие писатели, которые пишут книги скучные. Есть люди, не владеющие ремеслом, и люди, ремеслом владеющие. Одних вы будете читать, даже если они напишут телефонный справочник, а других не будете, что бы они ни написали. Первично читатель выбирает не жанр, а рассказчика. Вот и все. Я ответил на ваш вопрос?

Журналистка кивнула.

Денисов посмотрел на часы.

– Господа и дамы, я очень рад был бы беседовать с вами еще несколько часов, но – уввы... Моя супруга, – он помахал рукой Карине, сидящей сразу за журналистскими креслами, и она улыбнулась ему в ответ, – уже поглядывает на меня с нетерпением. У нас полтора часа до начала регистрации, и, если мы хотим улететь, нам надо успеть доехать. Все присутствующие знают, что такое варшавские пробки...

По залу пробежал смешок.

– Поэтому очень вас прошу – последние два вопроса и начинайте подходить за автографами. Хорошо?

Публика загудела – тихонько, как разбуженный пчелиный улей. Кто-то потянулся к стенду за книгами, кто-то принялся доставать из сумок уже купленные тома.

– Денис Николаевич!

Давыдов не сразу нашел обладателя громкого, с металлическим отзвуком, голоса – тот стоял чуть в стороне от журналистов, кучковавшихся в правом углу.

Мужчина лет сорок пять – пятьдесят. Высокий. Худой, но не болезненно. Лицо вытянутое, с резкими складками вдоль носа, подбородок острый, губы – одно название: рот похож на разрез. Глубоко посаженные глаза – темные, внимательные. Человек повел головой так, словно ему мешал тугой воротник (точно капитан Овечкин из «Неуловимых»), и пригладил ладонью и без того гладко лежащие, зачесанные назад волосы.

– Да, слушаю вас...

Не журналист, отметил про себя Денис. Ни бейджика, ни наглости во взгляде. Читатель. Будем надеяться, благодарный.

– Скажите, Денис Николаевич, считаете ли вы, что писатель в некотором смысле является не только зеркалом, отражающим реальность, но и...

Гладковолосый поискал слово и внезапно, словно досадуя, что мысль высказана недостаточно четко, щелкнул сухими длинными пальцами. Щелчок этот произвел на публику странное воздействие – улей умолк, люди невольно повернулись к говорившему.

– ...но и, – повторил тот, – творцом этой самой реальности?

– Простите? – переспросил Давыдов. – В каком смысле – творцом? Для читателей?

– Нет, нет! Что вы! – возразил человек и снова дернул шей.

Никакого тугого воротника на нем не было – свободная водолазка, спортивный пиджак.

– С читателями как раз все понятно! Я говорю о настоящей реальности. Сегодня на сегодня. Думаете ли вы, что ваши книги, ваши мысли, ваши слова меняют мир, в котором вы живете? Мы все живем?

– Ну... – протянул Давыдов, пытаясь понять, о чем именно спросил у него гладковолосый. – Каждый писатель... Он, конечно... В долговременной перспективе каждая мало-мальски талантливо написанная книга оказывает влияние на людей, события, а значит, оказывает влияние на мир...

– Это слишком общо, – сказал мужчина и улыбнулся.

Если судить по улыбке (а Давыдов в улыбках разбирался – эта была свысока), гладковолосый знал ответ на заданный вопрос.

Странный тип.

Давыдов пожал плечами.

– Рад бы ответить конкретнее, но не могу. Писатель – не демиург. Писатель – точно такой же человек, как все остальные.

Мужчина покачал головой.

– Не совсем.

– Поверьте мне, – сказал Денис, прикладывая руки к сердцу. – Точно такой. Из плоти и крови. С такими же заботами. С такими же горестями и радостями. Может быть, более ранимый, самолюбивый, тщеславный, завистливый, но это не коренные отличия. Все люди такие в большей или меньшей степени. Мы так же бодем, так же страдаем, так же любим. Более того, в те минуты, когда мы не скрипим пером или не стучим по клавиатуре компьютера, мы вовсе ничем не отличаемся от любого сидящего в этом зале. Писать книги – это просто такая работа. Писатель пишет буквы на бумаге, издатель эти буквы продает – вот и все. Чистая коммерция, как модно теперь говорить...

Гладковолосый снова покачал головой.

Улыбки на его лице уже не было.

– Все значительно сложнее, Денис Николаевич. Все значительно сложнее.

Давыдов нашел глазами супругу – Карина хмурилась, внимательно разглядывая гостя. Как ни странно, все на стенде прислушивались к словам этого незнакомца с сухим, словно вырезанным из светлой древесины, лицом.

Даже эта сволочь Кротов.

Вот он сидит и скалится... Ждет, пока все закончится, чтобы написать несколько колких, полных сарказма и неприязни фраз в своей колонке.

Давыдов повернулся к гладковолосому, но того уже не было рядом со стендом – наверное, нашел себе собеседника поинтереснее.

– Ну-с, – сказал Давыдов, почему-то испытывая облегчение, словно после только что счастливо миновавшей опасности, – давайте приступим! За почерк – простите ради Бога! Не поверите, я совершенно отвык писать рукой! Право же, я не кокетничаю...

Он снял колпачок со старинной паркеровской ручки, подаренной ему отцом на тридцатилетие.

Борт аэробуса А-320. Рейс № 322, Нью-Йорк – Аруба

Карина дремала, положив голову на плечо Денису. Ровно гудели турбины. Давыдов посмотрел в иллюминатор: на краю крыла подмигивал тьме огонек. Маленькая добрая фея – хранительница путешественников и самолетов (он усмехнулся: пусть кто-то скажет, что профессия не определяет образ мысли или образ мысли – профессию!), сидя на обледеневшем дюрале, курила трубку, набитую ароматными травами. Жестокий воздушный поток не мог сбросить ее с крыла, как ни пытался, она не обращала на него внимания. Он лишь играл с ее волосами и раздувал уголек, тлеющий в резной трубочной чашке, – это его отблеск Давыдов видел в иллюминаторе.

Денис всмотрелся в пульсирующую за толстым стеклом темноту, словно силился разглядеть девочку, примостившуюся на краю бездны.

Нет никакой девочки, и никогда не было. Есть проклятое писательское воображение. Образы. Запахи. Звуки.

Прав был гладковолосый с выставки, прав! Все не как у людей. Лезут же в голову разные глупости, будто бы это он – известный писатель Денис Давыдов – раскурил трубку с ароматными травами. За бортом минус пятьдесят, скорость пятьсот миль в час. Какое крыло? Да у мамонта сопли бы замерзли!

Самолетная фея. Фея-хранительница. Надо же...

Денис едва коснулся губами волос жены, вдохнул слабый аромат ее духов и легкий запах витающего вокруг сна. Карина дремала. Счастливая! Давыдов плохо спал в самолетах, даже в бизнес-классе. Так и не научился за многие часы перелетов, – каждый раз мучился и ругался шепотом.

Ну, ничего, ничего! Будет время и отоспаться.

Десять дней тропиков. Десять дней у океана вдвоем с Кариной. Он снова закрыл глаза и оперся затылком на широкий подголовник.

Длинный, длинный день...

Писатели – такие же люди, как и все остальные, только чуть сумасшедшее, но и писатели устают.

Хорошо, что не пришлось делать стыковку в день прилета.

В аэропорту Кеннеди никогда не знаешь, как пройдешь паспортный контроль: как-то Денис с Кариной простояли в очереди почти два с половиной часа и опоздали на рейс в Лос-Анджелес. Поэтому было принято решение не устраивать гонок, и Мартин не только заказал им номер в отеле «Томпсон», что возле Центрального парка, но сам лично встретил в зале прилета и отвез на Манхеттен.

Господин Мартин Рич давно уже был не просто литературным агентом, представляющим интересы экзотического писателя в США, а другом, насколько может быть другом человек, получающий тридцатипроцентное отчисление с гонорара за каждую изданную книгу.

Несмотря на джет-лаг, лежавший на веках тяжким грузом, Давыдовы поужинали вместе с ним в прекрасном французском ресторанчике на углу 47-й и 7-й. И к 22-м по местному времени, сытые и довольные, рухнули в свою постель размера «кинг-сайз», не думая ни о любви, ни о прекрасном виде на Центральный парк, открывавшемся из окон. После трансатлантического перелета и двух бутылок красного бургундского можно и нужно думать исключительно о сне.

На полу остались валяться мокрые полотенца, неразобранные чемоданы (а зачем их разбирать, если завтра снова в путь?) скалились открытыми крышками, через не задернутые до конца шторы в комнату сочились дрожащие неоновые огни Большого Яблока. Город гудел за окнами низким, тяжелым басом блюзмена. Вокруг памятника Колумбу в бесконечном хороводе крутились светляки фар, оранжевым горели гребешки на крышах таксомоторов, вскрикивали клаксоны. Ист-Сайд полыхал огнями на другой стороне Центрального парка, а они спали без задних ног, как и положено путешественникам, пролетевшим полмира.

Мартин, корректный и элегантный до невозможности, приехал вовремя – как раз к позднему завтраку, когда Давыдовы успели не только привести себя в порядок, но и заняться любовью, и снова привести себя в порядок. Это было традицией – начинать первый день путешествия с любви, и им обоим нравилась такая традиция.

После завтрака и неторопливой беседы о контракте с бразильским издательством (Рич вел свою линию ненавязчиво, но очень настойчиво, ведь Бразилия – огромный рынок, и тут очень важно не прогадать!) они втроем прогулялись к Земляничной поляне, посидели у озера.

День был прекрасным, не холодным, а нежно прохладным – в ветерке, заблудившемся между небоскребами, чувствовалось дыхание надвигающейся осени, но листву еще не окончательно выкрасило в багрянец, деревья щеголяли и зеленым, и желтым, и красным. До холодных

ноябрьских дождей оставалась целая вечность – несколько недель восхитительного бабьего лета.

К Нью-Йорку нельзя относиться равнодушно.

Его можно только любить или ненавидеть.

Давыдовы его любили, поэтому минуты летели незаметно. День канул в лету за разговорами и прогулками, словно и не было его совсем.

Мартин лично отвез их в аэропорт.

Туннель к этому времени опустел, Квинс-бульвар освободился от дневного потока автомобилей и задышал полной грудью. Пробок не было, и они, приехав на место задолго до вылета, успели выпить по порции виски в баре и только после этого отправились на регистрацию.

JFK¹ в ночное время светился вовсю – стеклянные двери, распахиваясь, глотали новых и новых пассажиров. В терминале было не продохнуть от мужчин в «гавайках» и женщин в пляжных платьях. В изобилии звучала русская речь. Рич, заслышав знакомые фразеологические обороты, усмехнулся, пожал Денису руку, поцеловал Карину в щеку и исчез, унося в папке предварительный контракт, подписанный Давыдовым за обедом в ресторане в Джерси. Дружба – это, конечно, хорошо, но сделка могла принести Мартину больше сотни тысяч долларов, а это весьма весомая причина быть очень настойчивым агентом и гостеприимным хозяином.

Рейс на Арубу поднялся в воздух точно по расписанию, и огромный, как дом, А-320, оставив за собой бриллиантовую россыпь нью-йоркских огней, ринулся на юг. В тот момент, когда замученный бессонницей Давыдов вообразил себе самолетную фею, сидящую на кончике крыла, внизу, под гладким белым брюхом лайнера, плескались волны Карибского моря.

Денис не мог видеть того, что видел и знал экипаж аэробуса – прямо на них с юго-запада двигался грозовой фронт шириною в две с половиной сотни миль. Самолет летел чуть выше бури на высоте 29 000 футов, но все равно – тряхнуть могло серьезно, и обогнуть стреляющую молниями во все стороны тучу у лайнера не получилось бы – сильный встречный ветер резко увеличил расход горючего, ограничив дальность и сократив возможные варианты маневра.

Можно было вернуться в Майями или сеть в Доминикане, но неизвестно откуда взявшаяся непогода не показалась пилоту А-320 столь уж серьезным препятствием. Капитан принял решение идти на грозу, и это, в целом, было верным выбором. Ключевыми словами можно считать слова «в целом», так как никто из летящих рейсом № 322 – ни экипаж, ни тем более пассажиры – не могли знать еще об одном событии, происходившем именно в тот момент, когда аэробус подлетал к грозовому фронту.

В сотне миль от восточного побережья Гаити подводная гора, некогда бывшая вулканом, вдруг задрожала и лопнула, раскалываясь пополам. Естественно, землетрясение в глубине океана не могло сбить лайнер, летящий на высоте нескольких десятков тысяч футов.

Но это было не простое землетрясение.

Возле атлантического побережья острова Гаити. Доминиканская Республика. То же время

Лески, уходящие в глубину, слегка подрагивали от натяжения.

Лодка замерла неподвижно на гладкой темной воде, и двое рыбаков дремали, опершись на борт, в ожидании поклевки. Ночь была тихая. Легкая рябь от дыхания ночного ветерка пробегала по поверхности и тут же исчезала, и тогда звезды отражались в океане как в зеркале.

Сон рыбаков был чуток, но они не могли слышать того, что происходило на глубине нескольких миль и вдалеке от того места, где на якорях-растяжках качался рыбацкий баркас.

¹ JFK – главный международный аэропорт Нью-Йорка имени Джона Фитцджеральда Кеннеди. По его инициалам американцы сокращенно называют аэропорт в повседневной речи.

Они уже были мертвы, но не знали об этом – смерть только приближалась к лодке, оскалив прозрачные жидкие зубы.

Гора лопнула, земная кора раскололась, словно скорлупа высохшего ореха, и океанская вода потоком хлынула в распахнувшуюся алую щель. Сотни тысяч тонн влаги вскипели от соприкосновения с пузырящейся раскаленной магмой, вырвавшейся из пролома.

Это было похоже на взрыв, но куда страшнее взрыва. Возможно, атомный заряд в сотни мегатонн мог бы натворить большей беды, только и без него чудовищные силы принялись разрывать океаническое дно, и из огромной расщелины, словно из свежей раны, давление выжимало малиновую пасту, мгновенно исчезающую в миллиардах пузырьков и облаках пара.

Трещина становилась все шире и шире, взбегая по склону подводной горы, стекая вниз, на огромную, покрытую валунами долину, раскинувшуюся на дне океана на добрую сотню миль. Зрелище это было недоступно ни одному разумному существу, но крупная дрожь, сотрясающая земную твердь, и магма, превратившаяся в кипятик тысячи и тысячи тонн океанской воды, несли смерть не только подводным обитателям. Ударная волна, родившаяся в толще вод в результате землетрясения, уже начала свое движение к береговому шельфу, чтобы превратиться в разрушительное цунами спустя какие-то сорок минут. Но на этом катаклизм не закончился. То, что случилось несколько позже, оказалась еще более фатальным для многих людей, хотя эти разрушения надежно скрывались от человеческого взгляда на глубине в несколько километров под толщей соленой воды.

Малиновый свет, льющийся из треснувшей плоти планеты, разорвал вечную тьму океанских глубин. Огромная долина, по которой бежала трещина, осветилась, и если бы человеческий глаз мог видеть открывшуюся картину, то удивлению свидетелей не было бы предела.

На каменном плоскогорье, образуя правильный квадрат, стояли десятки пирамидальных сооружений. Стройность и геометрическая правильность фигуры не оставляла и доли сомнений в том, что пирамиды – не природные образования и возникли здесь не случайно. Но если бы кто-то и усомнился в искусственном происхождении всего комплекса сооружений, при взгляде на гигантское строение, возвышавшееся в центре, сомнения рассеялись бы наверняка.

Если малые пирамиды, образовывавшие квадрат со стороной в несколько километров, можно было сравнить с пирамидой Хеопса, то центральное строение превосходило ее как минимум раза в три и возвышалось над своими «спутниками», как Голиаф над когортой Давидов. По мере того, как трещина в плато распахивала свою малиново-алую пасть все больше и больше, приближаясь к гигантскому ансамблю из каменных великанов, становились видны и мелкие, вернее, сравнительно мелкие детали. Из-под осадочных наслоений, которые вздымало вверх кипением воды, показались участки исполинской стены, некогда охватывавшей весь комплекс строений.

Раскаленным мерцающим лезвием разлом вскрыл циклопическое сооружение, как нож – консервную банку. Едва показавшись из небытия, стена, составленная из многотонных блоков, разлетелась вдребезги, обрушиваясь в горячую бездну фрагментами. Края трещины стремительно расходились, пирамиды зашевелились, словно живые.

Их стройное геометрическое расположение нарушилось – ряды сместились, наползая друг на друга. Они валялись, словно были возведены не из камня, скрепленного сверхпрочным раствором, а из пластиковых кубиков, которые капризный ребенок может разбросать одним ударом ноги. Центральная пирамида все еще стояла. Океанское дно под ней качалось, но само строение сохраняло форму, хотя на плоскостях уже появились ступени и трещины.

Разлом подошел вплотную к ее стенам и вгрызся раскаленными зубами в огромное каменное тело. Средняя часть гигантского сооружения зависла над огненной пустотой, все шире и шире разевавшей пасть. Стены пирамиды начали осыпаться, стройный граненый силуэт оплыл, ребра сломались. Еще несколько минут все балансировало на грани обрушения, затем

сила, сокрушившая морское дно на многие десятки километров вокруг, наконец-то взяла верх над тем, что строилось для вечности.

Устав сопротивляться, грандиозное сооружение ухнуло вниз, в разверстую бездну, пузыряющуюся малиновой магмой. Вихри кипящей воды рванулись вверх, уничтожая все живое на своем пути. Вода, хлынувшая в провал, увлекала за собой верхние слои, а вместе с ними и обитателей океана. Стремительные потоки тащили рыбу, черепах, медуз, дельфинов и планктон вниз, а навстречу им, из глубины, вверх летели струи нагретой до температуры кипения воды. Все, что попадало в поток кипятка, мгновенно сваривалось – весь океан над местом катастрофы превращался в марсельский суп.

Когда остатки пирамид и стены окончательно исчезли в вихре пузырей, взвеси и пара, со дна провала вдруг полыхнуло огнем. Но не мрачным пурпуром разогретой до тысяч градусов вулканической магмы, а невероятно ярким, почти что голубого цвета сиянием, мгновенно наполнившим толщу воды от дна до самой поверхности. Вспышка была холодной (в противном случае, наверное, от такой интенсивности светового потока вскипел бы весь мировой океан). Казалось, ничего более яркого в мире и быть не может, но, как оказалось – может. Свет пульсировал – нарастал, ослабевал и снова набирал силу. Безжалостные жернова наползающих друг на друга чудовищных, совершенно недоступных для осмысления масс камня пережевывали останки циклопического сооружения. Но вот края провала вздыбились, завернулись наружу и вдруг стремительно пошли на сближение, выталкивая прочь воду, пар, черную, еще дышащую жаром пену остывающей магмы. В тот момент, когда трещина сомкнулась, свет, который до того казался нестерпимо ярким, полыхнул с утроенной силой. Океан на сотни миль вокруг озарился голубым, переходящим в белое неестественным сиянием. Озарились воды, волны, тучи, нависшие над белыми пенными гребнями. Потоки света пронзили и океанскую толщу, и напоенный влагой штормовой воздух: молнии растворились в этом сиянии бесследно.

Казалось, весь мир – снизу и до самых звезд – был залит этим сиянием.

Рыбаки проснулись оттого, что вокруг них гудела и пузырилась вода.

– Езус! – пробормотал один из них, пожилой крупный мужчина с изъеденным оспинами лицом и редкими седыми волосами под старой соломенной шляпой, протирая глаза. – Езус и Санта Мария! Что это, Христа ради!

Якорный конец на корме закрипел и лопнул со звуком разорвавшейся струны. Баркас начало кренить на нос и левый борт: передний якорь держал крепко, грозя опрокинуть лодку.

– Мигель! – крикнул второй рыбак. Он был помоложе, коренастый, широкий и очень смуглый – явно с примесью индейской крови. – Режь, Мигель!

Пожилой, раскорячившись крабом, бросился к носовому концу, на ходу зубами раскрывая наваху, но резануть канат не успел. Вырвав скобу, за которую был привязан, конец скользнул за борт и тут же исчез в глубине.

– Дьявол! – выругался Мигель.

Потерять два якоря за пару минут – вот же невезение!

Он оглянулся и замер, в ужасе приоткрыв рот.

Было темно, как бывает темно ночью в тропиках – расцвеченное мириадами звезд небо, серебрищийся, текучий океан, но все, что вблизи, прячется в глубокой, осязаемой тьме. Сейчас Мигель наблюдал, как края этой тьмы загибаются, глотая сверкающее от звездной пыли небо. Лодка, ускоряясь с каждой секундой, скользила по внутренней поверхности огромной воронки, заслонявшей горизонт. Когда-то старый рыбак видел в цирке аттракцион: мотоцикл мчится по стенке внутри деревянной бочки параллельно полу и почему-то не падает наземь. Сейчас баркас, в котором находились они с напарником, летел, словно подвешенный на невидимой нити, посреди огромной водяной стены. Отчетливо пахло вареной рыбой, брызги были горячими, Мигеля вдруг прошиб пот – океан курился слабым дымком. Рыбак увидел, как рядом

с ними распадается на пласты в потоках воды туша мертвого тунца. Это было невероятно, но так страшно, что в происходящее сразу пришлось поверить.

Мигель схватился за борт лодки и впился в него, ломая ногти.

– Пауло! – выдавил он из перехваченного судорогой горла. – Держись!

Стало слышно, как гудит воронка, в которую их засасывало. От этого звука заболели зубы и глаза начали чесаться изнутри.

Старый рыбак видел, как напарник рухнул на дно баркаса и пытается залезть под банку, смешно оттопыривая зад и хватаясь за пайолы. Снизу зарокотало, словно там, на дне воронки, разразилась буря с громом и молниями. В следующий момент вода начала светиться. Сначала мерцая, слабо, как от фосфоресцирующих водорослей. Но потом снизу полыхнуло нестерпимо голубым пламенем, все озарилось как днем, и в тот же момент, увидев размеры пропасти, в которую падал баркас, Мигель завизжал пронзительно, совершенно не по-мужски. В уши снова ударил подводный гром, страшно зашумела вода, и рыбаков швырнуло вверх, вознося из воронки к звездному небу с непреодолимой силой. Миг – и баркас оказался вновь висящим над пропастью, но на этот раз лодка зависла на гребне огромной волны, и волна эта – воистину чудовищная – мчалась сквозь тьму с басовитым недобрый ревом.

Все вокруг светилось тем самым голубым светом: и вода, и небо, и воздух. Свет был везде. Мигель рухнул на дно баркаса оглушенный, полуслепой, испуганный до потери человеческого облика, а волна уже нависала над берегом, над рыбацкой деревней, над городками, разбросанными по побережью, над людьми, которым было уже не убежать...

Борт аэробуса А-320. Рейс № 322, Нью-Йорк – Аруба

Аэробус А-320 пронзил верхушку грозовой тучи и влетел в свет.

Вскрикнули пилоты, заслоняя ладонями глаза: на несколько секунд они ослепли и потеряли контроль над самолетом. Голубое мерцание наполнило салон авиалайнера, по краям широко раскинутых крыльев заплясали тысячи маленьких огоньков, словно по кромкам кто-то развесил веселые неоновые гирлянды. Самолет окутался неясным голубым туманом – так в мультфильмах рисуют магнитное поле, – контуры лайнера потеряли четкость, стали размытыми.

Давыдов, смотревший в иллюминатор, тоже ненадолго ослеп, проснувшись от его вскрика Карина зажмурилась от испуга. Лайнер качнуло, нестройный хор воплей запаниковавших пассажиров перерос в рев.

Оглушенный, растерянный Денис заморгал, пытаясь избавиться от радужных кругов, беспорядочно пляшущих перед глазами, но под веки словно песка насыпали. А-320 тряхнуло еще раз, потом еще, а спустя секунду огромная туша лайнера запрыгала по воздушным ямам, словно телега по разбитой ухабистой дороге. Загremели пластмассовые панели, несколько багажных ящиков раскрылись, и оттуда полетела ручная кладь. За дверью туалета кто-то пронзительно завизжал. В служебном отсеке с грохотом обрушилась тележка, и по проходу, подпрыгивая, покатались бутылки.

Давыдов прижал жену к себе. То, что он испытывал, трудно было назвать страхом – Денис не верил в происходящее. Все казалось ему кадрами, надерганными из разных голливудских фильмов-катастроф, коих он в детстве и юности пересмотрел достаточно. Для полноты картины не хватало только вылетевших наружу кислородных масок да мигающего света – вопреки шаблону, лампы в салоне светили ровно.

– Дамы и господа, – голос пилота в динамиках системы оповещения звучал почти бесстрастно. Пилот на таких рейсах всегда был профессионалом с опытом нештатных ситуаций и вел себя соответственно.

– Наш лайнер попал в зону повышенной турбулентности. Оставайтесь на своих местах, не поддавайтесь панике, заверяю вас: экипаж полностью контролирует ситуацию...

Крики и стоны ужаса в салоне стали тише, густой, хорошо поставленный голос командира действовал на пассажиров успокаивающе. Пилот, конечно, мог врать, но верить в такой поворот событий никому не хотелось. Казалось, от голоса капитана лайнера даже тряска уменьшилась, хотя, скорее всего, это было не так. Просто все, что могло упасть, уже упало, включая незадачливого пассажира в туалете.

– Мы все, – продолжал командир экипажа, – наблюдали странное природное явление. Но это не повод для паники, дамы и господа! В давние времена, как я понимаю, такое видели моряки, плававшие в этих широтах. Голубое свечение, которое вы заметили на крыльях, они наблюдали на мачтах своих кораблей и называли огнями Святого Эльма. Зрелище впечатляющее, но совершенно безвредное. Под нами бушует буря, но мы находимся выше грозового фронта и нам ничего не грозит...

Самолет трясло, словно он разогнался по грунтовке, но теперь в салоне воцарилась условная тишина – нет, панели все так же дребезжали, а те, кто успел заорать, охрипли от ужаса и теперь только тихо всхлипывали. Пассажиры слушали завораживающие интонации пилота так, будто от их внимания зависело, выберутся они живыми из этой ситуации или нет. Давыдов чувствовал, как хрипло и неровно дышит Карина, как сильно сжимает она его руку и ее короткие ногти медленно погружаются в его кожу. Он посмотрел на жену, и та ответила ему полным тревоги взглядом.

Хорошо бы командир экипажа говорил правду!

А-320 не падал и не пытался снизиться в аварийном режиме, как, например, при потере герметичности, скорее уж понемногу набирал высоту, стараясь достичь полетного потолка и выйти из турбулентности.

– Через несколько минут наш лайнер наберет дополнительную высоту и тряска уменьшится, просим вас не расстегивать привязные ремни и оставаться на своих местах. Сияние, которое вы видели, не что иное, как редкое электрическое явление. Аэробус оснащен всеми возможными элементами защиты, и никакие поля не повлияют на нашу навигационную аппаратуру и двигательную установку.

Врет ведь, подумал Давыдов, так как по первому образованию был инженером и прекрасно понимал, что капитан А-320 кривит душой. От нестерпимого сияния, в котором они находились считанные минуты назад, в поле зрения все еще кружились черные хлопья – отходила от шока сетчатка. Редкое электрическое явление!

И тут самолет перестало болтать – так лодка с мелкой волны влетает в защищенную бухту и скользит по глади, как по маслу. По салону прокатился дружный вздох, а потом раздались аплодисменты. Некоторые пассажиры принялись обниматься от полноты чувств – особенно усердствовали два толстяка в «гавайках», сидевшие в креслах наискосок от четы Давыдовых. По проходам, собирая раскатившиеся бутылки, побежали стюардессы. Вылетевшие из багажных отсеков сумки снова отправились на свои места.

Карина по-прежнему прижималась к мужу.

Денис чувствовал, что испытанный им только что ужас понемногу отступает, а на смену ему приходит какое-то поразительное хладнокровие, отстраненность, никогда ему не свойственная. Он ощущал себя странно. Это смутно походило на «отходняк» от наркоза, но не длинного «масочного», а короткого, внутривенного. Когда-то Давыдову вправляли выбитое плечо, и после сомбревина он испытывал нечто подобное. Но ведь никакого сомбревина не было!

Они и не пили сегодня почти ничего – пару бокалов сухого калифорнийского и пятидесятиграммовую дозу виски можно не учитывать, да и времени прошло изрядно. Но факт оставался фактом, отмахнуться от того, что с ним что-то не так, Денис не мог.

Болел затылок, щипало кончики пальцев, причем щипало так, что боль от впившихся ему в руку ногтей Карины стала затихать. Денису казалось, что он стоит по пояс в воде (он почти

физически ощущал влажный холод, плещущийся на уровне пупка), а ступни и икры ног кусают маленькие голодные рыбки. Давыдов поймал себя на том, что ощущение очень реальное, а если закрыть глаза, то впору поплескаться водой на жену и соседей.

Но не было ни кошки, ни колыбельки... Был салон лайнера, скользящего на реактивной тяге в разреженном воздухе на высоте 30 000 футов, был жестокий мороз за окном иллюминатора, и только что закончилась сильнейшая тряска, от которой лязгали зубы и повизгивали испуганные до потери пульса пассажиры.

Вода по пояс, самолетная фея, рыбки – вот же чертовщина! Разве что в минералке, которую разносили минут пятнадцать назад, был ЛСД... Хотелось надеяться, что это было так, – потому, что поверить в галлюцинацию было куда безопаснее, чем в происходящее с ними в реальности.

– Не бойся, – прошептал Давыдов на ушко жене, а может быть, и самому себе. – Все хорошо...

– Денис, – отозвалась Карина, – ты в порядке? Что с тобой? У тебя сердце бьется так, будто вот-вот выскочит!

– Ну, не каждый день такое увидишь. Скажу честно, душа в пятках, но штаны в порядке...

– Я поэт, – сказала жена, не сводя с него глаз (зрачки до сих пор были расширены, а кожа на лице мертвенно-бледная – только билась на виске голубая жилка), – зовусь Незнайка...

Он всегда удивлялся ее умению «держать лицо». Самообладание у Карины Олеговны было такое, что любой мужик спекся бы от зависти, – ведь испугана до смерти, а не подает вида. Вот еще бы руку отпустила, а то насквозь процарапает!

Давыдов заставил себя улыбнуться. Улыбка получилась вымученной, но это было все, что он мог изобразить лицом: немеющие мышцы отказывались повиноваться.

– Я в порядке... Ты не могла бы... А то немного больно!

– Ох! Прости!

Карина разжала хватку и с ужасом уставилась на кровавые следы от ногтей, тут же взбухшие на тыльной стороне его ладони.

– Прости, милый... Я не хотела!

– Ерунда...

Денис легонько коснулся ее щеки.

– Ты у меня смелая.

– Ты просто не представляешь, как я испугалась, – возразила она. – До смерти...

– Ты? Испугалась? Брось! Ты не умеешь бояться.

– Еще как умею. Я подумала, что было бы очень глупо погибнуть так... Мы столько лет собирались провести отпуск только вдвоем. Было бы очень несправедливо. И еще... Мы же совершенно не думали о том, что будет, если нас не будет.

Давыдов понял, что она говорит о Мишке, который остался в Киеве. О Мишке, которого они впервые за много лет не взяли с собой – он уже взрослый и сам захотел остаться. Денис представил себе, что было бы, – и похолодел.

«Дела должно приводить в порядок, друг любезный! – сказал он сам себе. – И не на смертном одре, а заранее.

Ну случилось бы с ними сейчас несчастье, и что тогда? Как семья собрала бы «до кучи» все, что они с Кариной заработали? Права Карина, на все сто права. Было бы очень несправедливо...»

Карина вдруг ойкнула и схватилась за висок.

– В чем дело? – испуганно спросил Давыдов. – Что с тобой?

– Кольнуло. Я перенервничала. Знаешь, так разболелась голова... Я вообще странно себя ощущаю. Тело – как не мое. Зато виски сверлит – мама не горюй!

– У меня тоже болит голова, – пожаловался Денис, оглядываясь вокруг. – Хорошо, что хоть без инфарктов обошлось.

Стюардессы как раз выводили из туалета того самого крикливого пассажира – вполне прилично одетого мужчину, но почему-то мокрого с головы до ног. Судя по виду джентльмена, последние пять минут были не самыми лучшими в его жизни.

Рослые девицы держали страдальца под руки, а он едва плелся по проходу на подгибающихся ногах.

– А может, и не обошлось... – добавил Давыдов. – Кто знает, что там у кого внутри? Вот этот парень, он похож на кролика, которого только что выплюнул обожравшийся удав... Кролик сам не свой от счастья, но обосрамшись... И стыдно, и радостно.

– Тебе тоже стыдно и радостно? – спросила супруга, как показалось Денису, не без иронии.

– Я почему-то по наивности полагал, что смерти не боюсь...

– По наивности... – хмыкнула Карина. – Ты не похож на юную институтку, Давыдов. Ты мужик тертый, просто не хочешь себе признаться, что такая вот глупая кончина тебя пугает. Смерти и старости, Чехов ты мой, бояться все. А кто говорит, что не боится, – врет.

Она достала из косметички пудреницу и, осмотрев себя в крошечном металлическом зеркальце, буквально в два движения поправила макияж и прическу.

– И я ее боюсь, Ден. Я ее не просто боюсь, а, прости за тавтологию, до смерти боюсь. Врачи – они к смерти привыкают, но привыкнуть и принять – две большие разницы.

– Ты – и старости боишься? – спросил Давыдов, пытаясь превратить разговор в шутку. – Тебе-то ее чего бояться? Ты – пластический хирург, у тебя вечная молодость практически в кармане.

– Глупый ты, – улыбнулась Карина, но улыбка у нее была грустной. – Больше всего старости бояться как раз пластические хирурги. Мы точно знаем, что от нее не уйти. Старость – она не в морщинах и не в обвисших сиськах. Старость – она вот тут...

Жена постучала себя пальцем по виску и снова поморщилась от боли.

– Мы не со старостью боремся, мы кожу на морде натягиваем. А со старостью бороться бесполезно, скальпелем триппер не вылечишь...

– Циничная ты женщина, Карина, – Денис обнял жену за плечи.

– Я не циничная. Я умная. И не знаю, как тебе, а мне до смерти хочется выпить.

– Хм... – Давыдов посмотрел вверх.

В багажном отделении над их рядом кресел, в запечатанном пакете из дьюти-фри лежала бутылка «Гленморанж».

– Так вроде правила авиакомпании запрещают...

– Плевать я хотела на правила. Если я сейчас не выпью, то кому-нибудь расцарапаю физиономию. Внутри у меня все завязалось в узел и дрожит, как заячий хвост.

– Как кроличий... – не удержался Денис.

– Хорошо, – легко согласилась Карина. – Как кроличий! Согласна! У меня отходняк. Я, наверное, с детства так не пугалась. Есть два варианта: или безудержный секс, или безудержное пьянство.

– Как по мне, так первое – более привлекательная идея.

– Есть проблемы, – вздохнула Карина. – У нас полный самолет свидетелей.

– Пусть завидуют, – решительно предложил Давыдов.

– Они не будут завидовать. Они будут, как в старом анекдоте – советовать. А это гораздо хуже. Остается только одно средство – выпить, и пусть все эти американские чистоплюи засунут свои правила себе...

Она задумалась.

– В общем, не важно – куда. Их личное дело.

– Ты все-таки циничная женщина.

– И умная. Умные – всегда немного циники. Ты нальешь жене выпить? Или?

Он налил Карине выпить. И выпил сам. Но даже после стакана виски его не отпустило. Просто ощущение «чужеродности» стало не таким ярким – так человек чувствует зубную боль после нескольких таблеток обезболивающего. Вроде и боли нет, а болит.

К чести работников авиакомпании В6, никто им и слова не сказал, и по прилету в аэропорт Королевы Беатрис супруги Давыдовы были основательно навеселе.

Аруба. Октябрь

Было не жарко, но очень влажно. Наполненный ночным дыханием океана воздух пахнул совершенно иначе, чем в Нью-Йорке, – какими-то сладковатыми цветами. Давыдову подумалось, что запах этот напоминает душок тления.

– Как мясная орхидея, – вспомнил он. – От нее несет на расстоянии двух десятков шагов. Издалека она пахнет именно так: какдохлый кот в подвале.

Помогая супруге сесть в такси, он вдруг неожиданно для себя сообразил, что никогда в жизни не видел мясной орхидеи. Даже не был уверен, существует ли вообще такой цветок, а уж говорить о запахе...

– Аквамарин Резорт, – приказал Давыдов таксисту.

Карина положила ладонь ему на колено.

Рука ее была горяча, он чувствовал ее тепло через льняную ткань так, словно она касалась голой кожи.

В таксомоторе работал кондиционер. Прохладный воздух отдавал кожзаменителем, хорошим сигарным табаком и потом. Свет фар нарезал темноту на ленты.

Денис закрыл глаза.

Он привык ложиться поздно, гораздо позже двух часов ночи, но сегодня спать ему хотелось нестерпимо. Нервное потрясение, выпитый виски, отдача от трансатлантического джетлага давали о себе знать – действительность плыла перед глазами, дрожала пустынным миражем.

«Надо будет соблюсти традицию и спать, спать... – подумал Давыдов, поглаживая тонкую кисть жены. – Обязательно соблюсти традицию. Мы всегда занимаемся любовью в первую ночь на новом месте. Всегда».

Но с традицией не задалось.

Когда он вышел из душа, где, стоя с полузакрытыми глазами, смывал с себя пахнувший пережитым страхом полетный пот, Карина уже спала. Она лежала поверх простыней, обнаженная, в такой бесстыдной позе, что Денис уже через секунду понял – кое-кто в его организме бодрствует вопреки всему.

Совсем не хочет спать.

Он лег рядом с женой, обнял ее за бедро. Она подтянула его руку себе под грудь и прижалась к чреслам Давыдова голыми ягодицами.

– Будь джентльменом, – прошептала она. – Я почти труп... Спи. Утром все будет...

– Если получится, – прошептал Денис в ответ.

Но Карина уже не слышала его слов – дыхание стало ровным, размеренным. Он вдохнул слабый запах шампуня, исходящий от ее волос, и закрыл глаза.

На этот раз Давыдову удалось уснуть, хотя одна часть его организма усиленно протестовала.

За окнами шумел океан.

Огромный и беспокойный, он ворочался совсем рядом – не более чем в полусотне шагов от их бунгало. Шуршали, набегая на песок, невысокие волны и тут же откатывались, оставляя пенные следы.

Давыдов почувствовал, как кровать едва заметно качается под ними. Сквозь дрему пульсировал затылок и колело в левом виске. Откуда-то появившийся сквозняк охлаждал бедро.

«Проклятый кондиционер, – подумал Кирилл. – Надо будет вызвать механика! Это же абсурд – платить за дом такие сумасшедшие»...

Глава 2

Мир Параллель-1. Октябрь

...деньги и иметь неисправный кондиционер. То от жары умираешь, то покрываешься инеем. Только ведь на прошлой неделе отремонтировали климатический блок!

Кир перевернулся на спину, нехотя открыл глаза и уперся взглядом в низкий потолок своей студии.

Со стороны плотно задернутого шторами окна веяло теплом.

Из решеток кондиционера, прямо на Кириллов бок, вытекал ручеек ледяного воздуха.

Кир, шурясь спросонья, нащупал на прикроватной полке телефон и проверил температуру на улице.

Плюс 42. Неплохо для половины восьмого вечера. Впрочем, это еще не предел – октябрь означает, что лето пока еще не кончилось. Это в феврале выше +40 по Цельсию температура не поднимется, а сегодня, в обычный октябрьский полдень, термометры зашкаливало за пятьдесят. Всего сорок два на закате – значит, ночью можно будет дышать нормально, не перебегая от кондиционера до кондиционера галопом и не хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

Делать нечего, придется подниматься – через полтора часа надо быть в Конторе. Он обещал встретиться с группой новичков перед джамп-тестом, а потом... Потом получают очередные данные по Параллели-Два – сегодня расчетное время с 23 до 23:45, и, возможно, придется прыгать самому. Сколько он уже не прыгал? Недели полторы? Больше?

Кирилл Давыдов потянулся так, что хрустнули суставы, и, совершив грубое насилие над собой, встал с постели.

Он отдернул металлизированную штору, впуская в студию меркнувший вечерний свет. Датчики, уловив поток фотонов, сразу же сработали, затемняя стекла и снижая уровень освещенности и солнечную радиацию до приемлемого уровня.

За стеклом балконной двери, на узком карнизе, призванном по мысли проектантов исполнять роль балкона, которым, правда, никто и никогда в здравом уме не пользовался, лежал неизвестно откуда взявшийся мертвый голубь.

Кирилл присел на корточки, разглядывая взъерошенную неподвижную птицу. Он давно не видел пернатых в городе, во всяком случае, в этой Параллели. В этом городе давно не было ни живых птиц, ни живых растений.

Пластиковые термостойкие деревья были – пальмы с огромными кронами, дающие улицам тень. Под ними можно было схорониться, перебегая из сан-кара в помещение и обратно. Это хоть как-то уменьшало дозу радиации, безжалостно изливаемую солнцем на Сити. Нынешний Господин Мэр «насаживал» их целыми аллеями. Над раскаленными тротуарами парили механические птицы – камеры слежения, замаскированные под пернатых. Господин Мэр всерьез считал, что эти соглядатаи в синтетическом оперении должны напоминать горожанам о том, что когда-то на улицах жили птицы. Господин Мэр, подумал Давыдов, всегда отличался большим чувством юмора и своеобразным взглядом на вещи.

Сегодня утром птицы здесь не было. Вот уже два дня, как дневные температуры не поднимались выше сорока восьми, ночью воздух охлаждался до вполне комфортных 36 градусов, так что теоретически голубь мог появиться в городе после заката. Но, кажется, ночью голуби спят. Да и до места, где могли еще жить птицы, лететь не близко, даже на вертолете.

Странно, подумал Кирилл, все живое в Сити давно уже под землей. Там не так жарко, там нет жесткого излучения. Наземная жизнь – на севере. Живая зелень и хоть какие-то божьи твари, что все еще бегают по поверхности, – в тысяче километров отсюда, там, где кончается

пустыня. Никогда не поверю, чтобы голубь пролетел тысячу километров на юг и не сгорел по пути. Скорее, сбежал, бедолага, из клетки в каком-нибудь богатом доме. Вылетел на закате, а утром, когда солнце встало, умер. Пока еще не мумифицировался, но к вечеру высохнет до хруста. И из всех тысяч окон в этом доме он выбрал мое. Если бы я услышал, как он стучится в стекло, я бы впустил его в комнату и спас бы от неминуемой гибели. Но я не услышал... Да и трудно было услышать. Барышня попалась голосистая, концерты впору давать.

Давыдов усмехнулся и повернулся к кровати, на которой спала...

Он задумался.

– Гм... Как же ее?.. Марина? Селина? Мы вообще познакомились?

Он почти не пил вчера.

Прежде всего, потому, что перед джампами пить небезопасно: врачи говорят, что после перебора можно легко поймать инсульт – как на входе, так и на выходе из прыжка. После джампа лекари даже советовали набраться под завязку, причем сразу же – вроде от ударной дозы алкоголя происходит «разгрузка» каких-то клеток в гипоталамусе. Поврежденные прыжком, проблемные клетки гибнут от выпивки в штатном режиме, как от дезинфекции, а здоровые – приходят в себя и служат хозяину долго и счастливо. Впрочем, для чистки гипоталамуса есть специальная процедура, которой подвергают всех джамперов по возвращении, а историю с выпивкой могли просто придумать для того, чтобы иметь дополнительное основание нажраться в хлам. Тем более что после пребывания в Зеро повод напиться до амнезии у джампера найдется всегда.

Во-вторых, ему больше нравился секс на трезвую голову, а вчера он приехал в «Подсолнечник» не для того, чтобы оглушить себя спиртным, – именно за сексом. За чьим-нибудь телом. Уж чего-чего, а тел в модном нынче дневном клубе с издевательским названием полно. Каких хочешь. На любой вкус.

Кирилл отметил, что выбрал хорошее тело.

Ночная гостья спала на животе, уткнувшись в подушку.

Темные, чуть вьющиеся волосы закрывали лицо и часть плеча, простыня сбилась вокруг тонкой талии, остальное, вплоть до совсем интимных подробностей, было открыто взгляду. Сложена Марина-Селина-как-ее-там была хорошо. Волосы вроде натуральные, не импланты, тонкая длинная шея с трогательной пульсирующей жилкой, родинка под лопаткой, маленькие аккуратные уши. На коже нет следов удаленных опухолей – гладкая, ровенькая, без нарочитой химической бледности по нынешней хипстерской моде, смуглая, как и положено быть уроженке Юга...

Значит, девочка может оказаться из хорошей семьи, хоть и не строгих нравов. А может и не оказаться.

Впрочем, кто б уже говорил о строгих нравах, так только не он! Все было здорово, оба получили что хотели. Прекрасная ночь, достойное ее завершение, страстный день. Вот бы еще вспомнить, как ее зовут!

– Просыпайся, малыш, – произнес Давыдов негромко, выбрав нейтральное обращение (вдруг обидится?) и, проходя мимо кровати, погладил барышню по гладкой шелковистой попке, выглядывающей из-под простыни. – Уже вечер, пора... Через пять минут душ будет свободен.

На воду у него лимита не было.

Одно из преимуществ работы на Контору, не самое главное, конечно, но такая приятная деталька. Можно стоять под душем хоть каждый день или несколько раз за ночь по часу или, если вдруг взбредет в голову, по два. Никаких проблем – вода будет поступать по водоводам без ограничений.

Вода, конечно, переработанная, ресайклинг второго, а то и третьего уровня, и душ не целиком водяной (обычного водяного душа нет даже у Господина Председателя), а с ионной очисткой, но и такой суррогат в тысячу раз приятней, чем просто ионный.

Кириллу было плевать, сколько раз этой водой мылись до него и сколько чужой мочи перерабатывалось системами очистки, чтобы дать ему возможность насладиться настоящим купанием. Пресная вода в высыхающем мире – это такая ценность, что задумываться о ее происхождении – дурной тон.

Сейчас такие привилегии по пользованию водными ресурсами имеют только члены правительства, высшие чины армии и силовых ведомств да джамперы – особая каста, боевики, ведущие почти безнадежную битву за выживание Параллели.

Джамперы – надежда человечества, поэтому у них есть все. Практически все, что они хотят. Вот только самих джамперов официально в природе не существует. Их нет для широкой публики, как нет джамп-бригад, джамп-технологий и теории джампинга. Они актеры, инженеры, ассенизаторы, летчики, танкисты – кто угодно, но только не джамперы. Личности «прыгунов» засекречены, их имена известны считанным людям в Параллели. Даже между собой они общаются, используя ники, а не настоящие имена. Что поделаешь, такая профессия.

Даже не профессия, подумал Кирилл, скорее, судьба.

Вся информация о джамп-эффекте закрыта лет двадцать как.

Конечно, засекретить существование Параллели-Два и Зеро не смогли – слишком уж широко освещали открытие параллельных Вселенных до начала войны, да и сам факт войны скрыть было никак нельзя. Как бы тогда можно было объяснить то, что мир их Параллели скатывается все ближе и ближе к краю пропасти?

Еще пятьдесят лет назад среднегодовая температура была меньше на пятнадцать градусов, а площадь суши на 40 процентов больше. И жить можно было там, где сегодня не выжили даже скорпионы. Двадцать лет назад, когда столицу только перенесли в Сити, в окрестностях были остатки лесов и фермерские хозяйства. Сегодня вокруг пустыня. И на тысячу километров к северу пустыня. Так что здесь, на юге, пресная вода – это привилегия и благо. И плевать, из чьей мочи она восстановлена!

В Сити осталось всего полтора десятка действующих скважин. Три верхних водоносных горизонта пусты. Высохли или ушли в землю, так что теперь «водники» забурились на глубину в четыре километра и черпают влагу оттуда. Но ученые говорят, что ресурсов осталось максимум лет на десять. Значит, проблему надо решать уже сегодня, завтра будет поздно и Сити станет еще одним вымершим городом – высохшим и пустым, как старая змеиная кожа. Сколько таких сброшенных шкур осталось позади за последние полвека? Кто сосчитал?

Высоколобые выдают идею за идею – одна фантастичнее другой. Транспортировка айсбергов (хотя любой идиот понимает, что лед растает еще в тысяче километров от берегов!), замораживание воды у северного побережья с помощью гигантских холодильников, запыление атмосферы... Пожалуй, ученые головастики могут добить людей быстрее, чем жара. Есть, правда, проект водовода с севера, гнать по трубам морскую воду и уже здесь перерабатывать ее в гигантских подземных опреснителях, а потом разбрызгивать над жилыми кварталами, создавая дождевые облака.

Опреснение сейчас не проблема, каких бы энергозатрат оно не потребовало. Солнечные батареи и само светило обеспечивают Сити энергией с избытком: теперь все работает от солнечного света – машины, кондиционеры, холодильники. И разбрызгивание не проблема. Проблема в том, что модель обкатывали и она не работает ни на малых площадях, ни на больших. Драгоценная жидкость легко превращается в пар, но никак не может снова стать водой. Энергии вокруг значительно больше, чем человеку надо для того, чтобы жить. Но почему-то это уже никого не радует. Теперь энергия убивает.

Давыдов еще раз намылился и с наслаждением подставил лицо под колючие освежающие струи.

Вода по карточкам, еда по карточкам, без защитного крема на коже из дома и шагу не сделаешь, живем, как кроты под землей, или прячемся под крышами, выходя на улицу только ночью. О, дивный новый мир...

Когда «головастики» придумали джамп, казалось, что победа уже у нас в руках, что через месяц-другой, враг будет поставлен на колени и все пойдет как прежде, но оказалось, что победить гораздо сложнее, чем предполагали самые умные умники.

В Параллели-Два тоже открыли джамп-эффект, и победные торжества отодвинулась на неопределенный срок. Не на год, не на два и не на десять лет – на неопределенное время. «Головастики», которые кричали и радовались больше всех, получали от Правительства неограниченное финансирование и любые льготы, как-то сразу поникли и перестали давать оптимистические интервью.

Потом выяснилось, что большинство людей джамп убивает, превращает в растения или в буйных сумасшедших через два-три прыжка. Или через десять. Или через сто. И никто не знает, сколько прыжков может сделать человек без вреда для себя – два или тысячу. Каждый джампер, шагающий на диск, знает, что этот шаг может быть последним. Каждый, кто благополучно вернулся с Параллели, имеет право никогда больше не прыгать. Главное – успеть воспользоваться этим правом...

– Можно к тебе?

Марина-Селина-как-ее-там стояла у дверей душевой кабины и со страстью во взгляде смотрела то ли на бьющую из распылителя водяную струю, то ли на Кирилла. Разбираться Давыдову не хотелось. Какая, в сущности, разница? Привлекательная девочка, каких тут перебывало без счета...

Он поманил гостью и приоткрыл стеклянную дверь.

Девушка мигом проскользнула вовнутрь и тут же прижалась к Кириллу всем телом, замерев под струями живительной влаги.

Она дрожала. Вода, ласкающая ей кожу, действовала сильнее всякого синтетического афродизиака, мода забрасываться которым прокатилась по всем дневным клубам Сити в последний год.

Она была мокрой и счастливой – губы невольно растягивались в усмешку. Влажные волосы еще больше закудрявились на висках, потемнели. На ресницах повисли блестящие капли, глаза довольной кошки вспыхнули под приоткрытыми веками.

И голос ее звучал, как мурлыканье.

– Так ты богат? – спросила она, глядя на Давыдова снизу вверх.

Острый язычок Марины-Селины-как-ее-там коснулся груди Кирилла.

– Смотря с кем сравнивать...

– Значит, богат. Только у богачей есть такие вот кабины. И у чиновников. Но ты не похож на чиновника.

Она улыбнулась во весь рот и зажмурилась, подставляя лицо под струйки.

– Настоящая вода. Знаешь, я с самого детства не принимала водяной душ. Помню, как мама меня купала. Но у нас уже тогда стоял таймер на пять минут в день. Потом остался только ионный дезинфектор. Уже и забыла, как это прекрасно. Дивно. Мокро. Сексуально. Я вся теку... У нас есть время?

– У тебя есть. Можешь плескаться, сколько хочешь. Когда накупаешься, захлопнешь двери. Мне скоро уходить...

– Совсем скоро? – промурлыкала она и снова лизнула его в грудь, на этот раз сильно, прокатившись шершавым язычком по соску. – Послушай, Кир, у меня всегда была мечта... Хочешь знать, какая?

Она обвила его бедро ногой, и он сразу почувствовал ее мечту кожей. Она была горяча. Она обжигала. Он даже услышал ее запах, заполнивший кабинку от пола до потолка – горячий, терпкий, пряный...

Подождут, подумал Давыдов. Ну, опоздаю чуть-чуть. Не всю же жизнь мне приходится вовремя?

– Так ты удержишься?

Ногти гостьи коснулись его спины, твердые мокрые груди прижались к животу.

Кирилл поцеловал пахнущие мятной пастилкой губы.

Она подпрыгнула, охватила ногами его бедра, зависла на мгновение, сделав легкое движение аппетитной попой, и все случилось само собой. Он подхватил ее под ягодицы и прижал к себе, приподнял, снова прижал, нащупывая нужный им обоим ритм. Марина-Селина-как-ее-там запрокинула лицо под струи воды и задышала хрипло и размеренно.

– Не спеши, – выдохнула она. – Умоляю тебя, не спеши...

Просьба была лишней. Давыдов уже никуда не спешил.

Аруба. Отель «Аквамарин Резорт» Октябрь

Она вскрикнула, застонала и выгнулась, словно пытаясь сбросить его с себя. Но Денис нависал над ней, чуть привстав на локтях, и двигался, двигался, двигался, не останавливаясь, все быстрее, быстрее, быстрее...

Он не понимал, где находится, но отчетливо понимал, что делает: занимается любовью со своей женой. Ее зовут Карина. Они женаты много лет...

Почему в спальне так жарко? Проклятый кондиционер опять не работает? Ведь только что они были под душем. С ней, с Мариной. Или не с ней?

Погоди-ка... Марина-Селина-как-ее-там... Что за чушь? Родинка под лопаткой, дыхание пахнет мятной пастилкой – она успела бросить конфетку под язык, когда шла к нему под душ.

Он продолжал двигаться. Ноги жены обвились вокруг его поясицы, руки она забросила за голову и ухватилась за кованое изголовье кровати, подрагивающее от их любовного танца.

Чушь! Чушь! Чушь! Какой душ? Какая девчонка? Он просто не помнит, как они с женой начали любить друг друга. Был сон...

Сон.

Они прилетели на Арубу. Вот почему так жарко, но кондиционер работал, когда они с женой ложились спать. Он сломался уже потом. А Карина... Наверное, Карина прижалась к нему во сне, он почувствовал ее близко и все случилось само собой. Такое уже бывало...

Нет, не бывало. Им случалось засыпать после любви, так и не разъединившись, но так – никогда.

Давыдов должен был бы замереть, чтобы попытаться вспомнить, как все произошло, но тело его продолжало действовать, и это было прекрасно! Прочь дурацкие мысли! Это был сон. Просто сон. Глупый образ, что-то типа самолетной феи. Игра вечно эрегированного писательского воображения. Если бы они с Мариной не были такими уставшими вчера, если бы перед сном они отметились на новом месте... Никакой Марины-Селины и близко не пригрезилось бы. Ведь так?

За годы супружеской жизни ему никогда не снились другие женщины. Это в детско-юношеских снах к Давыдову то и дело приходили разные девы и дамы, так на то и существует сладкая нега пубертатного периода. Но давно, очень давно, даже после достаточно долгой разлуки с женой к нему если и приходили эротические сны, то снилась ему Карина. В этом не было ничего удивительного, и за супружеской верностью Давыдовых не крылись чудовищные клятвы или страх перед отвратными сценами ревности. Ни ревность, ни клятвы никогда и никого не делали образцовыми супругами. Наверное, дело было в химии тел. Или в физиологии. Или еще в чем-то ином – кто мог это знать наверняка? Они подходили друг другу, как ключ к замку,

если употреблять банальное до невозможности, но проверенное веками сравнение. Избитые сравнения зачастую бывают убийственно точны – это знает каждый, кто в своей жизни написал хотя бы абзац. Давыдовы даже не пытались разобраться в сути взаимного влечения, которое чувствовали друг к другу с первой минуты знакомства, а, не мудрствуя лукаво, с удовольствием пользовались его плодами. Им нравилось заниматься любовью, и многие проблемы, неизбежно возникающие у супругов и в первые годы брака, и (чего скрывать?) в последующие, они предпочитали разрешать именно в постельных битвах, а не бросаясь посудой. Возможно, это было глупо, но помогало.

Да, ему снилась какая-то девчонка. Ну и что? Он вообще был другим человеком в том мире. Как его называют? Параллель? Эта девочка с острыми лопатками назвала его Кир. Кир – это Кирилл. Боже мой, как же реален был мир! Этот мертвый голубь за окном. Раскаленное синее небо на закате...

Это было прекрасно! Только что там, в душевой кабине, кричала эта девочка. У нее было два оргазма – от секса с ним и от секса с водой. Но какая, к черту, разница?

В голове у Дениса что-то щелкнуло, и образы сна померкли, но не исчезли совсем. Словно невидимый оператор мастерски плавно перевел фокус с заднего на передний план, превратив тревожное ощущение раздвоенности в восхитительно нечеткое боке².

Он был здесь и сейчас. За окнами плескался океан. Ветерок врывается в приоткрытые окна и играет с легким тюлем балдахина.

Карина закусила губу. Голова ее запрокинулась, спина напряглась натянутым луком, и тетива внутри ее чресл уже звенела от напряжения, готовая лопнуть с секунды на секунду.

Он обожал эти секунды. Глаза жены мутнели от наслаждения, пунцовела, вспухая, закусенная губа, дыхание сбивалось, бедра начинали вздрагивать, и там, между ними, пульсировала, сжимая его плоть, влажная и жадная женская радость...

Они лежали рядом, все еще тяжело дыша после любви. Влажная кожа медленно высыхала под дуновением бриза. Шум волн, набегающих на песок, отчетливо слышался в ночной тиши.

– Мы с тобой перебудили весь отель, – прошептала Карина.

– Пусть завидуют.

– Я не люблю, когда завидуют.

Денис улыбнулся.

– Это неизбежно. Всегда найдется, чему завидовать – так устроены люди. У меня красавица жена, которая в постели ведет себя, как Мессалина, и при этом кричит, как Кабалье. Как мне можно не завидовать?

– Кабалье поет!

– Ты тоже почти поешь, когда кончаешь! И этому тоже можно позавидовать: любовная песнь – улада для мужского уха! Ты очень возбуждающе кричишь. Ты у меня сексуально ходишь, сексуально сидишь, сексуально спишь... Ты даже стоишь сексуально! Видела, какими глазами на тебя смотрел толстый американец в холле? Тот, в красной рубашке и с квадратной женой под мышкой?

– Какими?

– Вот такими! – Давыдов показал два кулака вместе. – Жадными! У него были не глаза, а яйца! Огромные жирные тестостероновые яйца! И он тебя ими жрал!

Карина рассмеялась.

– Он жрал меня тестостероновыми яйцами? Какой ты грубый!

² *Боке* (от яп. бокэ – «размытость», «нечеткость») – термин, описывающий субъективные художественные достоинства части изображения, оказавшегося не в фокусе на фотографии. На многих изображениях фон размывается фотографом намеренно, для визуального выделения главного объекта съемки.

– Я не грубый. Я образный. Я не могу сказать «тестостероновыми тестикулами» – это будет непрофессионально, у меня язык не повернется такое сказать! Он смотрел на тебя так, что мне хотелось...

– Милый, – промурлыкала Карина, переворачиваясь на живот. – Скажу тебе как врач: яйцами нельзя смотреть, ими нельзя жрать, а с таким животом, как у того американца, их даже нельзя увидеть в зеркале. Успокойся, потому что с образностью у тебя сегодня не задалось.

– Жаль, – искренне огорчился Денис, – а я-то полагал...

– Зато с другим задалось. Я что-то не припомню, чтобы ты так изощренно меня будил.

– Извращенно?

– Изощренно, глупый! Все писатели такие глуховато-глуповатые? Или мне такой достался?

– Тебе достался извращенно-глуховато-глуповатый редкий экземпляр. Даже в страшном литературном мире такие почти не встречаются!

Она снова рассмеялась и, потянувшись, поцеловала Давыдова в щеку.

– И это хорошо... Спасибо, мне очень понравилось так просыпаться. Мне снился странный сон, Денис. Очень странный сон. И ты, – она привстала на локте и наклонилась над ним, заглядывая ему в лицо, – ты выхватил меня из него.

– Странный сон, – повторил Давыдов, стараясь голосом не выдать свою растерянность. Ему почему-то стало неуютно. Очень неуютно. – А что за сон, малыш? Ты не помнишь?

Карина покачала головой.

– Почти не помню. Знаешь, если человека разбудить в быстрой фазе сна, то сновидение стирается. Помню, что там было холодно. Очень холодно. И дул страшный ледяной ветер... Я должна была куда-то ехать или лететь. В общем, что-то делать...

– А я там был?

– Нет, тебя не было.

– Ты же точно не помнишь?

– Это помню, – сказала она твердо. – Тебя там точно не было. Там был другой мужчина.

Не ты.

– Вы занимались любовью?

– Нет. Я была в каких-то мехах, в комбинезоне... Нет, не помню. Только холод и свист ветра. А потом... Потом ты меня согрел.

Они поцеловались неспешно, нежно, словно пробуя друг друга на вкус.

– Знаешь, – сказала Карина ему на ухо, – мне показалось, что ты сегодня был другой. Совсем другой. Обычно ты нежнее, не такой напористый, не такой властный. Ты удивительно нежный любовник, милый. Но только что ты был не таким. Это был ты – твой запах, твои руки и... – ее ладонь скользнула вниз и коснулась уже затвердевшей плоти, – и все остальное тоже твое. Но все-таки – не ты. И не могу сказать, что мне это не понравилось.

Давыдов понял, что он тоже не может рассказать ничего о том, что пригрезилось. Воспоминания стерлись не полностью, но спутались и поблекли. Яркая, выпуклая картина сновидения разлетелась на осколки, мелкие, как брызги разбитого сталинитового стекла. Кое-что он помнил, но вот именно это жене рассказывать было вовсе не обязательно.

– Мне тоже снился сон, Кара, – признался он. – Очень странный сон. И я его тоже не помню.

– Очень странный? – переспросила она и снова поцеловала его в губы.

Точным, плавным движением крадущейся ласки она перетекла со смятых простыней к нему на грудь, скользнула по ней и села на его бедрах, зажав напряженный член мужа между ягодиц.

– Там, в твоём сне была я? – прошептала Карина тихонько и, наклонившись, осторожно тронула зубами мочку Денисова уха.

– Нет, – ответил Данилов. – Тебя там не было.

– Ты же не помнишь...

Он медленно провел ладонями по ее спине, погладил бедра.

– Это помню. Тебя там не было. Тебя там точно не было.

Глава 3

Параллель-2. Октябрь

Сказать, что на улице было холодно, – это ничего не сказать.

Хотя снег пошел почти пять часов назад, а снегопад всегда приносил с собой небольшое потепление, вопреки всем прогнозам становилось все холоднее и холоднее. Виноват был усиливающийся ветер. Казалось, что где-то на севере включили чудовищные вентиляторы, задачей которых было во что бы то ни стало выдуть из Сантауна все живое. Снегопад легко превратился в метель, метель – в снежную бурю, а теперь над городом бушевал настоящий ураган. По телевидению передали штормовое предупреждение, уже третье за последнюю неделю. Никаких пешеходных передвижений, твердили с экранов, старайтесь не выезжать из дому на поверхность, а пользуйтесь подземными переходами, если вам уж так приспичило что-нибудь купить.

Пешими, подумала она, можно подумать, кому-то взбредет в голову выйти на улицу пешком. Не самый сложный и не самый приятный метод самоубийства.

Порывы пронизывающей все и вся стужи настигли Киру в подземном гараже. Хотя какая может быть стужа в отапливаемом помещении? Так, неизвестно откуда возникший сквознячок! Но за те несколько секунд, что понадобились Кире Давыдовой, чтобы пересечь пространство между лифтом и вездеходом, она успела поежиться раза два, втянуть голову в плечи и поплотнее запахнуть парку. Мороз, притаившийся за дверьми, вонзил в нее шершавое ледяное жало, продирая до самых костей. Он был терпелив, беспощаден и никуда не уходил – всегда жил на улице, где-то поблизости, ожидая неосторожную жертву.

Кира скользнула на сиденье и включила двигатель. Вездеход, здороваясь с хозяйкой, мигнул приборной доской (стрелки описали приветственный круг по ожившим после ночного сна циферблатам, и встали вертикально), отсоединился от системы подогрева и под довольное урчание пропеллеров наддува приподнялся над полом паркинга. Небольшая приземистая машина зависла на подушке из воздуха, готовая тронуться в путь. Оставалось только поднять плиту ворот и прокатиться по пандусу, ведущему наружу, но Кира замерла, не решаясь это сделать. Покинуть дом и нырнуть в круговерть разыгравшейся метели не казалось ей такой уж удачной мыслью. Она бы предпочла вообще никуда не ехать, но предстоящее короткое путешествие от ее квартиры в Центр было неизбежным, как ночь или старость.

Когда воскресным выюжистым утром, в выходной, который Кира намеревалась провести в постели, и к тому же не в одиночестве, ее жизнь нарушается звонком служебного коммуникатора, номер которого известен лишь троим людям на всем белом свете, это означает одно – предстоит джамп.

Вычислители выдали результат, точка определена, время рассчитано до секунды и пререкаться просто некогда. Никого на свете не волнует, что на кухне остался недоеденный салат, что откупорить вино они с Данилом так и не успели, что сандаловые свечи (да, банально, пошло, но Кира любила принимать ванну при свечах!) так и останутся незажженными...

Она давно знала: нельзя строить планы. Ни на выходные, ни на отпуск. Никогда. Проклятые гены джампера! Довелось же с ними родиться. Довелось же попасть на карандаш ребятам из Центра и стать тем, кем она стала. Джампер – это не профессия, это судьба, мать бы ее...

Сейчас, когда все нормальные горожане занимаются своими мелкими делишками, когда вьюга уже кружит свой танец на улицах, в переулках и дворах Сантауна, к зданию Центра со всех сторон подтягиваются люди: техники, оружейники, врачи и ребята из ее джамп-группы. Все они, от самого высоколобого вычислителя-теоретика до последнего техника, у которого даже в ноздрях силиконовая смазка и графитовая пыль, едут спасать, блядь, человечество, хотя никто не знает, можно ли таким путем его спасти.

И, самое главное, надо ли его спасать? – подумала Кира со злостью, выводя сноумобиль на эстакаду. – Разве это жизнь? Прячемся, как крысы, в норах, вырытых поближе к термальным водам, растим гидропонную безвкусную жратву под искусственными солнцами, вечно в соплях, вечно замерзшие. Полгода лето – это, как шутит Данил, та пора года, когда моча застывает, растекаясь по земле, полгода зима – это когда моча замерзает еще в воздухе. Нормальный человек разницы не заметит – ему просто все время холодно.

Если бы не лекари с их снадобьями, да не ученые, придумавшие метод аккумуляции геотермальной энергии, то люди давно бы вымерли всем человечеством, за исключением нескольких колоний на экваторе, а так...

Естественная убыль населения на полтора процента в год – это, конечно, не смертельно, но путем несложных математических расчетов можно легко определить время Ч – дату ухода людей в небытие как вида. Значит, нет лишних часов на разговоры, личную жизнь и прочие прелести. Это сорок лет назад, когда Север только начал свое победное шествие, засыпая некогда плодородные равнины жесткой белой пылью на десять месяцев в году, можно было сказать – потом, ребята, успеется. Наши самые умные в мире ученые обязательно что-нибудь придумают, и мы отвоюем все обратно! Дайте нам год. Или два. Или десять. И давали, но ничего не происходило. Идеи умирали одна за другой, шли годы, и надежда потихоньку чахла, как чахли и превращались в ледяные столбы пальмы на берегах некогда теплых морей.

А потом открыли Параллели, сообразили, в чем корень зла, придумали джамп, нашли джамперов и вступили в битву за выживание. В битву за жизнь своего мира на чужой территории. В беспощадный бой с Параллелью 1, который длится вот уже 20 лет, и все эти годы льды по-прежнему ползут на юг в Северном полушарии, карабкаются на север в полушарии Южном, и страшные челюсти вот-вот сомкнутся на горле человечества.

Сейчас, когда на экваторе зимой не выше плюс пяти-шести по Цельсию, времени у воюющих нет ни на что. Выжить – задача не для одного человека, это задача для всего человечества, а джамперы – инструмент для достижения этой благородной цели.

У инструмента не может быть свечей в ванной, месячных и дурного настроения. Инструмент должен быть полностью исправен и оказаться под рукой в нужный момент.

Вездеход Киры перевалил через длинный снежный язык, загородивший часть выезда, и выполз на наст, по которому ветер гнал гибкие щупальца поземки.

Обжигающе яркий свет ксеноновых головных ламп мощной машины вязнул в вихре снежинок, как таракан в смоле. Лампы на фонарных столбах-вешках, расставленных вдоль дороги через каждые 25 метров, казались бледными пятнами в кружевной круговерти.

На прямой до площади Спасения заблудиться было сложно, но Кира все-таки включила экраны ночного видения, и мир сразу зажегся флуоресцентным зеленым. Стали заметны маркеры, по которым дорогу нашел бы и приезжий, никогда до того не путешествовавший по городу в бурю.

Она добавила тяги, и сноумобиль, выдув из-под юбки облако снега, резво заскользил над поземкой, набирая ход. Кира бросила взгляд на часы на приборной доске и улыбнулась уголком рта: умница, успела собраться и выехать всего за двадцать минут с момента звонка, значит, будет на КПП Центра минут за десять до назначенного срока. Скорее всего, времени до джампа осталось немного – редко получается исчислить критическую точку более чем за пару часов до ее возникновения – и в Центре уже царит суета, правда, неплохо организованная, но все же суета. Что ж, в этом беспорядке она чувствовала себя как альфа-самка в гончей стае.

Кира ехала по Радиалу в одиночестве – ни встречных, ни попутных сноумобилей, ни, что совершенно понятно, пешеходов.

На кольце у площади Спасения она заметила на одной из Диагоналей одноместный скутер и подумала, что в нем спешит на работу кто-то из коллег, но трехполосная машинка, мазнув по вездеходу Киры прозрачным светом фар, укатила в противоположном направлении.

После площади Спасения начинался проспект Свободы – широкая магистраль, рассекавшая город с Юга на Север, – конечно же в такой снегопад ее никто не расчищал, но вездеход на воздушной подушке мог не бояться снежного покрова. Здесь Кира разогнала машину до сорока миль в час и, коснувшись наушника, вызвала Данила. Его комм соединился с линией через пять гудков, прозвучал сигнал, по экрану на приборной пробежали полосы и тени. Она услышала, как дышит собеседник, подумала немного, явно колеблясь, но все-таки включила видеосвязь.

– Да, Кира... – отозвался Данил.

Он сидел в кухонном блоке. В ее кухонном блоке. И пил кофе из рыжей чашки. Из ее чашки. Все было бы ничего, но она до сих пор не знала: этот высокий брюнет с голубыми, чуть водянистыми глазами и тонким лицом интеллектуала-аскета – ее мужчина или нет? Если ее, то все в порядке, а если нет, то что он делает в ее квартире?

– Ты что? Уже успела добраться?

– В пути. Извини, что так вышло.

Кире действительно было неудобно. Нет ничего хуже, чем бездарно прерванная прелюдия.

– Что поделать? Каждого из нас могут позвать в любой момент. Ты врач, от тебя зависят чужие жизни, ты обязана... Мы же на военном положении...

– Мы уже лет сорок на военном положении... Но я не по тому поводу, Дани. Я говорила с госпиталем перед тем, как набрать тебя... – сказала Кира, ненавидя себя за то, что так ловко и непринужденно врет. Получалось естественно, иногда даже естественнее, чем говорить правду. – Ситуация тяжелая. Скажу честно, я не знаю, когда закончу оперировать.

– Мне тебя не ждать? Так?

– Так. Лучше не жди. Я могу и совсем не приехать.

– Будет жаль.

– Мне тоже.

Ну, хоть здесь можно сказать правду. Ей действительно было очень жаль.

– Хочешь, я подожду тебя в госпитале?

– Зачем? – грустно улыбнулась Кира в объектив видеокамеры. – В любом случае, сегодня мы стралили – не стоит и пытаться. Я буду никакая – усталая, злая, дерганая, и не хочу, чтобы ты видел меня такой. В следующий раз, Данил. Хорошо?

– Хорошо, – согласился он нехотя. – Тогда я допью кофе – и домой.

– Конечно. Я позвоню тебе, как приеду.

Он улыбнулся.

– Слушай, Кира, а ты не пробовала на выходные выключить коммуникатор? Хотя бы на сутки? Это ненаказуемо, в Безопасности на это закрывают глаза – должны же люди когда-нибудь отдыхать? Ты не единственный хирург в Сити, в конце концов. Или ты думаешь, мир перестанет вращаться, если ты уйдешь со связи?

– Я не могу...

– Что не можешь? Мир не рухнет, поверь.

– Мой мир – может, – серьезно возразила Кира.

И, как ни странно, в этот момент она тоже говорила правду.

Когда ее вездеход въехал на приемный пандус Центра и термозавеса расступилась перед его кургузым носом, стало видно, что ее **ОЧЕНЬ** ждут.

У въезда в Трубу стоял здешний кар, выкрашенный в желтый цвет, а рядом с каром – двое военных в костюмах с подогревом, в масках, закрывавших практически все лицо, и с автоматами.

Один из вояк бросился к ней, как потерявшийся ребенок к матери, подскочил к дверце машины и, распахнув ее, отдал честь.

– Госпожа Давыдова? – пробухтел он в маску.

Кира кивнула.

– Могу я сканировать ваш чип?

Кира молча протянула ему левую руку, развернув ее ладонью вверх.

– Благодарю.

Сканер пискнул, зажегся зеленый огонек.

– Личность подтверждена, – сказал негромко второй, стоявший чуть в стороне военный.

Он говорил в микрофон на воротнике комбинезона, но с Киры не спускал глаз.

– Давыдова Кира Олеговна, тридцать шесть лет, этническая русская, – произнес первый, рассматривая ее в упор через стекла маски. – Лейтенант Вязин, служба охраны Центра. Прошу вас пересесть в наш электромобиль. Вашим вездеходом займутся.

– Что произошло, лейтенант? – спросила Кира, выпрыгивая из машины. – Что за спешка?

– Вам все объяснят на месте.

– Где это – на месте?

– Я отвезу вас к проходной проекта «Сегмент» – так мне приказано. Дальнейшее не в моей компетенции. Извините, Кира Олеговна.

Здесь, у въезда на паркинг, было холодно. Не так, как на улице, но холодно – ледяным бетонным дыханием сразу прихватило щеки. Кира запрыгнула на сиденье кара, спрятала нос в воротник и замерла, как нахохлившаяся птица.

Вязин забросил автомат на бок и занял водительское место. Загудев электромоторами, кар рванул с места и почти сразу же юркнул в Трубу.

Центр был огромным помещением. Кира и представить себе не могла его полных размеров, хотя уже несколько лет здесь проходила значительная часть ее жизни. Его возвели лет 20 назад, как раз после открытия джампа, использовав под секретный проект большую часть зданий заброшенного ракетного завода. Туннели-трубы соединяли строения подземной паутиной, составляя невидимую постороннему глазу коммуникационную систему. Некоторые из построек зарывались на добрый десяток этажей в землю, выставив наружу только вентиляционные шахты. Оставшиеся же сверху помещения напоминали бетонные коробки старых жилых домов. Для всех живущих в Сантауне Центр был научным институтом по использованию термальных ресурсов, для осведомленных (таких было немного, но они были) – джамп-базой, для джамперов – местом начала прыжка и точкой возврата. Здесь начиналась и здесь заканчивалась невидимая простым смертным война. Война с чужой Параллелью.

И сейчас желтый электрокар вез Киру на эту войну.

Параллель-1. Октябрь

– Раз уж все вы собрались здесь, – сказал Кирилл Давыдов, – значит, вам можно знать, как меня зовут.

Они сидели перед ним – двадцать семь новобранцев, прошедших тест на прыжковый ген. В основном, молодые ребята лет до 30. Девушек было немного – шесть человек. И среди них были симпатичные.

– Зовут меня Кирилл Давыдов, я такой же джампер, как вы все. Вернее, такой, каким каждый из вас может стать – если захочет и если ему повезет. Пока между мной и вами есть одно принципиальное различие. Вы – кандидаты в джамп-группу, а я – марафонец.

Он обвел взглядом небольшую аудиторию, стараясь зацепить глазами каждого из новичков, рассеявшихся на стульях полукругом. Слушали внимательно, стараясь не упустить ни слова. В принципе, правильно делали: лишних знаний не бывает, никто и предположить не может, что именно спасет жизнь в момент, когда надеяться будет не на что.

– Вы спросите меня, что такое марафонец?

Кирилл сделал эффектную паузу и развел руками, словно певец, вышедший на поклон.

– Давайте начнем сначала...

Он улыбнулся, подошел к белой переносной доске и, все еще чуть рисуясь, взял в руки массивный синий маркер.

– Каждый из вас три месяца назад проходил освидетельствование. Обычный анализ крови, вы такие сдаете с самого детства, и после него никогда ничего не происходило, но в тот раз сразу после получения результатов вы были рекрутированы на государственную службу в специальное подразделение – джамп-группу, и сейчас говорите с ее командиром. Что, собственно, произошло? Объясню. В ваших анализах крови обнаружен маркер джамп-гена. В том, что он у вас есть, нет вашей заслуги или заслуги ваших родителей. Это не мутация, не уродство и не избранность. Это рецессивный ген, доставшийся вам в наследство от далеких предков. Настолько далеких, что трудно даже представить – возможно, мы говорим о двухстах тысячах лет. Или о трехстах тысячах, сейчас это не принципиально. Давно – это давно, и разница в сто тысяч лет не меняет сегодняшних раскладов, поэтому этой погрешностью предлагаю пренебречь. Скажу еще одну удивительную вещь – джамп-ген когда-то был у всех, кто родился под этим солнцем, но постепенно, непонятно почему, молекула ДНК, несущая в себе запись о ваших способностях к джампу, накапливала ошибку. Ошибка в данном случае – это «хвост» из аминокислот, который каждый раз после прыжка цепляется к ДНК джампера. По мере накопления «хвостов» и соответственного удлинения молекулы способность людей совершать прыжки снижалась и в конце концов практически исчезла. Сегодня один человек из десяти тысяч способен совершить два-три прыжка, один из ста тысяч – десяток, один из миллиона – сотню, и лишь один из десяти миллионов способен на условную тысячу перемещений. Таких называют марафонцами, и я один из них. Вы сидите здесь потому, что способны на прыжок, но никто – слышите? – никто не знает, сколько джампов вы осилите до того, как ошибка в вашей ДНК станет критичной. Два? Десять? Двадцать? Утрата способности прыгать для обычного человека не значит ничего – это его нормальное состояние. Для джампера... Для джампера поломка рецессивного гена – безумие или смерть. Так что, коллеги, с одной стороны, вам повезло: джамп-группа – самое престижное подразделение в армии и вы отныне обеспеченные люди со страховкой, которая смягчит горе от потери семье, а вот с другой стороны... С другой стороны, вы – смертники. Камикадзе³, если доводилось слышать о таких. Не только ваши жизни нужны нашему миру, но и ваши смерти.

Сидящий прямо напротив Давыдова щуплый блондин с чуть кривоватым лицом и выступающими вперед зубами ухмыльнулся.

– За такие бабки, – сказал он, оглядываясь на товарищей, – можно и рискнуть. Нам это все говорили, командир. Про этих генов никто не распространялся, но то, шо слдохнуть можно «на раз» – объяснили. Ты б нам рассказал, что такое...

– Встать, – негромко приказал Кирилл. – Встать и представиться по форме, джампер. Этому тебя учили?

Щуплый с секунду недоуменно смотрел на Давыдова, а потом встал, но без особого рвения. Так, от греха подальше, мало ли что.

– Джампер Сотников, – доложил он.

– Джампер Сотников, господин джамп-мастер, – поправил его Давыдов.

– Так точно, господин джамп-мастер! Джампер Сотников!

А ведь ни черта ты меня не боишься, подумал Кирилл, глядя в выцветшие глаза блондина. Откуда ж ты такой взялся, красавец-мужчина?

– Задавайте вопрос, джампер.

³ Камикадзе (яп. камикадзэ, симпу, Kami – «божество», кадзэ – «ветер») – «божественный ветер», название тайфуна, который дважды, в 1274 и 1281 годах, уничтожил корабли монгольской армады Хубилая на подступах к берегам Японии.

– Какой? – удивился Сотников, но тут же вспомнил. – Слушаюсь, господин джамп-мастер! Что такое джамп, господин джамп-мастер? У меня пять классов школы про все дела...

– И где тебя нашли, джампер Сотников?

Щуплый снова усмехнулся, но на этот раз улыбка была не кривой, а просто неприятной. Несущей в себе угрозу, что ли?

– В тюрьме, – сообщил он и показал зубы.

Зубы были хоть и выступающие, но безупречно белые: явный пластик, причем из дешевых, даже без намека на цветовой подбор. – Ждал суда, господин джамп-мастер.

– Понятно, – сказал Давыдов. – Ну-ка, подняли руку те из вас, кто прошел полный школьный курс!

Таковых оказалось полтора десятка.

– Не густо. Специальное образование?

Семеро.

– Головастики?

Трое.

– Лучше, чем ничего. Ну, что ж, джампер Сотников, считай, что ты снова в школе. Попрошу господ «образованных головастиков» объяснить остальным непонятные слова, а я постараюсь говорить доступно. Джамп – это перемещение между Параллелью Один и Параллелью Ноль. Перемещение не физическое – ваше тело на время прыжка остается здесь. Суть джампа в отображении электромагнитной матрицы вашей личности в реалиях Серединного мира. Слово «реалии» понятно? Уже хорошо. А что такое Серединный мир, я объясню чуть позже. Слушать и внимать, а если что выходит за рамки доступного – запоминайте, спросите. Первая аксиома – ваше тело никуда не девается. Оно лежит в специальном контейнере и дожидается возвращения вашей личности. Вторая аксиома – ваш электромагнитный двойник занимает то тело, какое окажется поблизости от точки перехода. Скажу честно, хотя лично со мной этого не случалось, это не всегда человеческое тело, и надо быть к готовым и подобной ситуации.

– Как это – нечеловеческое? – спросила сидящая слева молодая девушка с выкрашенными в два цвета светящимися красками волосами. Ей было лет 25 на вид, но могло быть и под сорок – модница вряд ли обошлась без восстановительной пластики. На хорошеньком, наверняка не раз перекроенном личике отобразилось искреннее удивление и даже испуг. Форма ее совсем не портила, даже подчеркивала некоторые детали не хуже декольте.

Неужели им не говорили ничего на вводной лекции? Или все интересное оставили «на потом»?

– Точка перехода, – объяснил Кирилл, разглядывая собеседницу достаточно бесцеремонно, но не настолько, чтобы вызвать обвинение в домогательстве, – назначается компьютером. Она не произвольна, так как должна находиться в месте напряжения вероятностей, но случайна. Я не могу объяснить доступнее, господа претенденты, все это сложно и понятно только тем, кто теорию джампа разрабатывал и реализовывал на практике. Многие говорят правильные слова и используют термины, но умное лицо еще не признак компетентности. Суть процесса джампинга открыта считанным ученым на планете. Так что наши головастики могут не напрягаться – это не про них. Давайте не вдаваться в теории, а знать то, что вам надо знать для исполнения долга и для того, чтобы суметь выжить. Если возле точки перехода есть человеческое тело, то джампер попадает в его сознание, оттесняя матрицу хозяина на второй план. Если человеческого тела рядом нет, то джампер занимает любое, подходящее по размеру. Если нет подходящего по размеру – любое доступное. Если же нет никакого – то матрица возвращается назад, израсходовав прыжок. То есть, изменение в ДНК у вас появилось, но прыгали вы впустую. Так что вы вполне можете прыгнуть в тело собаки, кошки, ежика или кенгуру, все они еще благополучно существуют в Серединном мире. Мужчина может попасть в тело

женщины, женщина – в мужское тело. Главное, прыгнув, попытаться выполнить задание и не погибнуть при этом. Потому что гибель тела-приемника в Серединном мире в 90 % случаев заканчивается смертью джампера в обоих вселенных.

– А остальные 10 %? – спросил один из «головастиков», грузный мужчина лет сорока – сорока пяти, лысоватый, с рябым бугристым лицом и нездоровой отечностью под глазами.

Взгляд у него был умный, но очень тяжелый – неприязненный, какой бывает у сильных людей, уставших искать выход из безнадежной ситуации и готовых на все для того, чтобы вырваться из клетки, куда загнала их жизнь. Штафирка. Заставлять его каждый раз обращаться к командиру по форме, конечно, нужно, но лишено смысла и приязненности в отношении не добавит, хотя плевать! «Головастика» тоже можно понять. Его сорвали с насиженного места в какой-нибудь правильной конторе, отлучили от жены и детей, может быть, и опостылевших, но привычных и удобных. Одели в форму, бросили в закрытый лагерь для подготовки джамперов и рассказали, что он теперь должен умереть за родину. Просто должен.

– Представьтесь по форме и задайте вопрос еще раз, – приказал Кирилл сдержано.

«Головастик» встал и оказался совсем небольшого роста, но очень широким, буквально квадратным, причем без признаков развитой мускулатуры.

Интересно, подумал Давыдов, как его дрессировали? Можно ли вообще развить боевые рефлексы за месяц в таком детренированном теле, причем до такой степени, чтобы они отпечатались в подсознании и переносились вместе с матрицей при джампе?

– Джампер Куницын, – сообщил «головастик». – Что происходит с остальными 10 % джамперов после гибели тела-приемника, господин джамп-мастер?

Кирилл пожал плечами.

– Статистика печальная. Матрицы возвращаются в наш мир, но для джампера это гарантированное безумие, как и при превышении лимита прыжков. Должен сказать, было несколько случаев, когда возвращение прошло относительно благополучно. Правда, через некоторое время джамперы умерли – кто от разрыва сердца, кто от недиагностированной опухоли мозга, кто от недостаточности почек, печени или еще чего другого... Связать эти смерти с гибелью тел-приемников напрямую нельзя, но я, например, не нуждаюсь в доказательствах такой связи.

Судя по тому, с каким выражением лица Куницын уселся на место, ответ Давыдова ему оптимизма не добавил.

– Теперь о том, что такое Серединный мир или Зеро, и почему именно в нем мы воюем с нашим основным врагом – Параллелью Два...

Давыдов повернулся к белому гляncу пластиковой доски и провел на ней маркером три вертикальных параллельных линии.

– Земля – это не только каменный шар с жидким расплавленным ядром, летящий по орбите вокруг Солнца с сумасшедшей скоростью. Как выяснилось не так давно, наш мир устроен куда как сложнее. Земля – наша родина, наша планета, действительно движется по своей орбите вокруг солнца. Но на самом деле вокруг Солнца крутится еще два параллельных мира.

Он аккуратно пронумеровал линии на рисунке.

– Наш мир – это Параллель один. Чужой мир – это Параллель два. Как видите, они находятся по разные стороны от центральной линии и, если верить нашим ученым, не могут сообщаться между собой. Между ними находится Серединный мир, он же – Параллель Ноль или Зеро, на нашем профессиональном сленге, для краткости. Зеро разделяет нашу вселенную и вселенную наших врагов надежнее, чем бетонная заградительная стена. И мы, и они можем взаимодействовать с Серединным миром, но ходить друг к другу в гости нам заказано самой природой. По идее, такая конструкция мироздания должна огораживать нашу вселенную от неприятностей, но на деле...

Он прошелся мимо доски с нарисованным «трезубцем» и остановился у окна, заложив руки за спину.

– На деле, – продолжил Давыдов, глядя на то, как разгорается ночными огнями просыпающийся после дневного оцепенения Сити, – все сложнее и хуже. Уж не знаю, кому принадлежит know-how, но тот, кто придумал такую систему, обладал своеобразным чувством юмора и явно знал толк в извращениях.

По аудитории прокатился сдержанный смешок. Слово «извращение», скорее всего, было понятно всем присутствующим: от бывших заключенных до головастиков.

– Дело в том, – сказал Кирилл, и голос его прозвучал так, что сидящие в учебном классе затихли, как по мановению волшебной палочки, – что Параллели влияют друг на друга. Представьте себе сообщающиеся сосуды...

Он шагнул к доске и несколькими взмахами маркера изобразил популярный рисунок из учебника физики.

– Между Параллелями нет равновесия, и то, чего не хватает в нашем мире, в избытке есть у них. Вода в их мире оборачивается нашему миру пустыней, их холод – это наш зной... Ну и так далее...

– И наоборот? – спросил джампер Сотников, и тут же, оглянувшись, поправился, – господин джамп-мастер!

– И наоборот, курсант... – подтвердил Давыдов. – Хотя то, что я вам рассказываю, – бывшая чистая теория, правда, теперь уже подтвержденная практикой последних двадцати лет. Никто из нашего мира никогда не был в мире Параллели Два. Я не физик, не джамп-теоретик и не смогу объяснить, почему все происходит так, а не иначе, и почему подъем температуры в нашем мире должен вызывать соответствующее понижение температуры в мире наших врагов. Я даже не могу с уверенностью утверждать, что все именно так, как говорят ученые. Я сузу по результатам. Уж не помню, кто сказал в позапрошлом веке, что практика – критерий истины...

Он повернулся, оглядывая устремленные на него глаза, пробежался взглядом по лицам.

– Незнакомые некоторым слова объяснят ваши товарищи, но, как я обещал, позже. Теперь главное, господа курсанты... Дальше пойдет то, ради чего с вас взяли расписки, то, ради чего вы присягали и собраны здесь. Вот уже 20 лет мы ведем войну с Параллелью Два, но война эта проходит не на их и не на нашей территории: поле боя – Мир Зеро, и происходит это потому, что наши три мира связаны друг с другом сетью силовых полей, так называемых спиц и жгутов. Между жгутами и спицами есть разница, но сейчас мы не будем на ней останавливаться. Существуют точки вероятности, которые рассчитываются нашими компьютерами. В этих точках происходит крепление спиц и жгутов к специальным узлам пространства. Часто это связано с артефактами, которые располагаются в Мире Ноль. Что такое артефакт? Артефакты – это различного рода искусственные сооружения – пирамиды, старые курганы, старинные стелы, дольмены, которые могут скрываться где угодно – в лесах, под водой, в городах... Они служат источниками энергии и местом крепления для спиц – неподвижных силовых линий, расположение которых легко высчитывается по специальному алгоритму. Знай мы все узловые точки вероятности – и война давно бы завершилась в нашу пользу. Но...

Давыдов развел руки в извиняющемся жесте.

– Увы... Силовые коридоры совершенно нестабильны и переключаются между узлами закрепления хаотично. Таким образом, зная место расположения артефакта, мы можем определить время, когда он служит креплением для спицы лишь с определенной долей вероятности. Переключения идут постоянно, мишень движется – уничтожить цель легко, но надо ее вовремя обнаружить и успеть разрушить крепление... А это задача другой сложности. Я понятно объясняю?

Аудитория загудела одобрительно.

– Значит, понятно, – резюмировал Кирилл. – Вопросы?

– А что дает разрушение креплений?

– Теоретически, если разорвать связь между Параллелями и Зеро, то наш мир должен через некоторое время вернуться к норме. Норма, для простоты понимания – это то, что было семьдесят лет назад. Именно те пределы климатических зон принято называть точкой отсчета. Мы должны «отсоединить» Параллель два, отбросить их в сторону, прекратить перетекание. Это наша задача, господа курсанты. Смерть вражеской Параллели – это наша с вами жизнь. Жизнь наших детей.

– Вы хотите сказать, – спросил курсант Куницын, морща широкий лоб, – что в то время, как мы пытаемся отсоединить от Серединного мира Параллель Два, они проделывают то же с нашим миром?

– Да, – ответил Давыдов просто. – Это так. Это война, а война заключается в том, что одна сторона хочет уничтожить другую и помешать ей уничтожить себя. Параллель два противодействует нашим джамперам и атакует узлы крепления наших спиц. Мы противодействуем их джамперам и уничтожаем их крепления. Все как у взрослых, Куницын, все по-настоящему. Это сложные боевые задачи, которые вам придется решать. Но это не все сложности. Спицы, по крайней мере, стабильны какой-то промежуток времени. А ведь есть еще и жгуты...

– Жгуты? – переспросила двуцветная девушка-дама.

– Жгуты, – Давыдов подошел к доске. – Жгуты – это непостоянные связи, не завязанные на артефакты. Они не менее прочны, чем спицы, и важны для наших целей. Вычислить их труднее, хотя уничтожить узлы их крепления проще – это все-таки не пирамиды на воздух поднимать или горные массивы рушить.

– Так к чему крепятся жгуты? – спросил Куницын.

– К людям, – сказал Кирилл и нарисовал на доске схематичного человечка.

Ручки, ножки, огуречик...

– К джамперам?

Курсант Куницын не зря был головастиком. Он задавал правильные вопросы.

Давыдов сделал небольшую паузу, недостаточно театральную, но заметно поднявшую градус внимания в аудитории.

– К сожалению, – он аккуратно закрыл маркер колпачком и положил его возле доски, – нет. В принципе, жгут может крепиться к кому угодно – в том числе и к одному из нас, но учтите – нас очень мало, а следовательно, и вероятность такого события мала. Жгуты соединяют Параллель с Серединным миром. Действие жгута основано на свойствах ДНК носителя, а это дает ученым основание предполагать, что у таких вот особенных людей в каждом из трех миров есть оттиск...

– Одинаковые ДНК? – опять встрял курсант Куницын, любопытство в котором однозначно побеждало инстинкт самосохранения. Он фыркнул, как нюхнувший перцу пес. – Это невозможно в принципе!

– Невозможно? – переспросил Кирилл. – Неужели? Тогда тебе, курсант, предстоит еще не раз сильно удивиться происходящему. Все, что я вам рассказываю, еще двадцать лет назад можно было изложить только психиатру, а теперь на эту тему написаны сотни толстых томов, десятки гигабайтов. Литература закрытая, но она существует. Нет ничего невозможного, мы просто мало знаем о мире, в котором живем. Жгуты всегда крепятся к живым людям. И у этих людей в каждой из Параллелей есть свой двойник. Во всех трех мирах, в том числе в Зеро. И если это трудно понять, рекомендую принять на веру. Чтобы не сильно переживать, когда придется стрелять в лоб одному из своих или...

Он посмотрел на курсантов и раздвинул губы в усмешке.

– ... самому себе.

Глава 4

Аруба. Отель «Аквамарин Резорт». Октябрь

На завтрак Давыдовы вышли поздно.

Буфет был хорош – именно так, как и обещали рекламные проспекты: изобилие фруктов, сыров, свежевыжатых соков, мясных нарезок, потрясающая запахом и видом сдоба...

По идее, Карина и Денис должны были умирать от голода, но есть почему-то не хотелось. Они выбрали себе столик на открытой площадке и уселись в густой тени огромного цветущего венозно-красным куста, лениво ковыряя в тарелках.

– Кофе? – спросил смуглый услужливый официант с никелированным кофейником в руках.

Карина покачала головой, прикрывая рукой чашку.

– Конечно. Но только не этот. Принесите эспрессо из бара.

– И мне, – попросил Давыдов.

Официант кивнул и исчез.

– Болит голова? – спросил Денис, наблюдая, как жена потирает висок.

– Гудит, как пустая кастрюля, и стреляет сюда. – Карина постучала согнутым пальцем над правым глазом. – Такое впечатление, что в глазницу забили гвоздь. И совершенно не чувствую себя выпавшейся. Хотя, что удивляться? Спали мы мало и джет-лаг... Ты тоже не выглядишь бодрячком...

– Знаешь, – сказал Давыдов, отхлебнув апельсинового сока, – никогда не пью спиртного с утра. Не могу – тошнит. Но сейчас бы выпил.

– Так выпей, – предложила Карина, пожав плечами. – Ты в отпуске. Тебе не надо работать. Тебе не надо писать. Тебе не надо читать лекции. А то, что надо сделать с женой, поверь, дорогой, ты прекрасно сделаешь и после пары бокалов вина.

Она накрыла его ладонь своей и улыбнулась. Из-за головной боли улыбка получилась грустноватой, но все равно теплой и искренней.

– Обычно ты мое лучшее лекарство от мигрени, Денис. Но сегодня ты не помог.

– Думаю, это стресс, – заявил Давыдов.

Глаза резало от света так, что он надел очки.

– Какой стресс? – удивилась Карина.

– Ночью, когда нас трясло, мы здорово перепугались. Адреналин, кара миа⁴, вещь не всегда полезная. Иногда от его переизбытка может плющить и колбасить минимум пару дней.

– Плющить и колбасить... Писатель! Кто тебя учил таким словам? Хотя... меня именно плющит. Такое впечатление, что по мне проехался каток, и совершенно не хочется есть все эти яства – возможно, ты и прав: у нас постстрессовый синдром.

Карина выпила полстакана фреша и снова потеряла висок.

– Черт! Как ноет! Где наш кофе?

– Вот, приближается...

Денис огляделся вокруг.

Атмосфера для пляжного отеля была несколько необычной. Приехав на отдых к океану, люди не сильно интересуются новостями. Здешняя публика мало походила на биржевых брокеров, для тех были отели подороже. За завтраком могли жаловаться на похмелье, договариваться о поездках или рыбалке, но читать, да еще и с такими выражениями лиц!

⁴ *Кара миа* – по-испански «сердце мое». Давыдов использует имя жены иносказательно.

– Смотри-ка, – сказал он. – Все с газетами, с планшетами, с телефонами и озабоченные... Не кажется ли тебе, что что-то произошло?

Карина кивнула.

– Надо узнать, что.

От принесенных из бара чашек пахло, как и должно пахнуть от настоящего кофе – горьким и горячим, как солнце, бодрящим ароматом.

– Ваш кофе, сеньора! Пожалуйста, сеньор...

– Спасибо. У вас есть газеты на английском? – спросил Давыдов, которому было лень идти в бунгало за айпэдом.

– Конечно, есть, сеньор! Мы предоставляем гостям прессу! Вам американские газеты? Или местные?

Официант говорил правильно, по-американски – «рыча» на букве «р».

– Да все равно какие, любые, но не на испанском. Вас как зовут?

– Аурелио, сеньор...

– Скажите, Аурелио, а что все обсуждают? Что произошло? – вмешалась Карина, смакуя первый глоток обжигающего напитка.

– Как? – искренне удивился официант. – Вы не слышали, сеньора? Еще ночью эту новость начали передавать по всем каналам! Это главное событие...

– Мы поздно прилетели, – оборвал его Денис. – Что за событие?

– Ужасное событие, сеньор! Страшная трагедия! Вчера случилось цунами на востоке Гаити, на Кубе и в Пуэрто-Рико. Говорят, маленькие острова накрыло полностью.

– Цунами? – переспросила Карина. – Здесь, на Карибах? Но в Атлантике и Карибском море не бывает цунами...

– Не стану спорить, сеньора, – официант закивал, его явно пугало недовольство клиентов. Он был простоватым старательным парнем и вовсе не хотел, чтобы его уволили за длинный язык. С постояльцами отеля следовало быть как можно более учтивым. – Наверное, обычно не бывает, но это было... Я принесу газеты, и вы все прочтете! Возможно, я что-то напутал, но по новостям сообщали о тысячах погибших. О многих тысячах. Сказали, что волна была огромной. Чудовищной. И случилось все ночью – около двух-трех часов... Сейчас вы сами все прочтете!

– Нас как раз трясло незадолго до этого, – сказал Давыдов по-русски, обращаясь к жене, пока Аурелио, сбиваясь на бег, заспешил к стойке с газетами. – И мы летели над Карибами. Вот черт... Мы, наверное, пролетали над эпицентром!

– Брось, Денис! Ну, какое отношение имеет турбулентность на высоте десяти километров к землетрясению? Где имение, а где вода?

Давыдов пожал плечами.

– А вдруг там, как следствие, возник ураган? Или магнитные возмущения? Что мы вообще знаем о сильных катаклизмах? Вспомни, как били молнии, пока мы летели! И насчет цунами, ты, кара миа, не права. Бывали цунами в Атлантике. Лиссабон, например, смыло в середине XVIII века. Цунами может быть везде, даже на Черном море – было бы землетрясение мощное да рельеф дна подходящий.

Официант вернулся, протягивая местную «Дейли Сан», и Давыдовы склонились над передовицей.

На странице газетчики напечатали несколько фотографий, одна из них спутниковая, на которой было видно разрушения на восточном побережье Доминиканы. Это трудно было назвать просто разрушениями, такой пейзаж мог быть после ядерного взрыва – пейзажу не хватало только пожарищ. Вторая фотография могла быть снята с вертолета или низколетящего самолета – подробностей стало больше: выброшенные на берег суда, разбитые в щепу дома и развалины смытых отелей.

Денис сглотнул. Пальцы Карины сжали его кисть, и Давыдов перевернул страницу, перейдя к основному тексту статьи, но не успел начать читать, наткнувшись на следующую серию фото.

Фотографии с Пуэрто-Рико были еще хуже. Гораздо хуже. На них можно было рассмотреть множество деталей, но лучше было их не рассматривать...

Давыдов подумал, что он правильно поступил, не позавтракав.

Особенно поразила его детская ладошка, торчащая из вязкой, как загустевшие сливки, бурой грязи – воробьиная лапка со скрюченными пальчиками-коготками.

Holly shit! А ведь это только начало... Сейчас завалы начнут разбирать, раскапывать, и на берег лягут рядами десятки тысяч черных пластиковых мешков. Такое уже случилось в Таиланде в 2004-м.

В горле зашевелился мокрый меховой шар, но он силой заставил себя вчитаться в печатные строки. Оценок количества погибших пока нет, но эксперты... В жопу экспертов! Ну какие в этих вопросах могут быть эксперты? Сейсмологи... Небывалой силы. Тектонический разлом. Извержение вулкана, считают одни... Другие говорят о подвижке плиты. Гадание на кофейной гуще!

Денис вспомнил о кофе и допил его одним глотком.

– Официант не ошибся, – выдавила Карина, отводя взгляд от газетной страницы. – Действительно, – чудовищно! Эпицентр был в океане, в ста милях к востоку от берега. Боже мой, а ведь мы с тобой собирались в Доминикану. Просто на Арубубу оказалось проще и интереснее...

– Зацепило и Флориду, но чуть-чуть, – перебил ее Денис, дочитывая статью. – Основной удар приняли на себя Куба, Гаити и Пуэрто-Рико. Оценивать количество погибших никто не берется, кроме неизвестно откуда здесь взявшихся экспертов, ноги бы им в рот, но это больше, чем на Пхукете. Гораздо больше. Сильно пострадали Британские Виргинские острова.

– Это совсем рядом.

– Это больше семисот километров от нас, – возразил Давыдов. – Час лету. Сейсмологи пишут, что в настоящее время не могут засечь даже афтершоковых⁵ колебаний в районе эпицентра. А это совершенно ненормально – колебания должны быть! Просто обязательно потряхивать. Может, незаметно для людей, но приборы... Тут же впечатление, что землетрясения и не было вовсе.

– Но оно было...

– Да. Было.

Карина протянула руку к чашке с недопитым кофе и...

Параллель-2. Сантаун, Центр, отдел «Сегмент». Октябрь

...одернула руку и невольно охнула.

Поручень кара все еще хранил холод подземного паркинга, и ей показалось, что она ухватилась за раскаленный прут. Хотелось подуть на пальцы и в очередной раз выругать себя за преждевременно снятые перчатки.

Почему-то чуть кружилась голова. Странное ощущение – подрагивающий кадр, как в старом кино. Будто бы это не она слегка теряет ориентацию, а кто-то другой, которого она видит со стороны, на экране ископаемой модели телевизора. Во рту оставался вкус кофе, причем не синтета, а самого настоящего кофе, того, что стоит сумасшедших денег. А сколько, собственно, должен стоить кофе, если за прошлый сезон его собрали меньше тысячи тонн на всю планету? Ученые обещают вывести более морозоустойчивые сорта, но...

⁵ *Афтершок* (англ. aftershock) – повторный сейсмический толчок, меньшей интенсивности по сравнению с главным сейсмическим ударом.

К аромату арабики примешивались другие запахи. Отдавало чем-то нездешним, чем в Сантауне не могло пахнуть в принципе. Даже в оранжерее, где вязкие ароматы модифицированных цветов сводили с ума, такого было не унюхать. Но Кира отчетливо ощущала этот терпкий и назойливый запах. Живой. И не похожий на искусственный.

Она глубоко вздохнула, прикрыв глаза.

Под веками бродили цветочные пятна, как от яркого солнца, которого она не видела уже несколько недель – с последнего джампа в Параллель.

– Все в порядке, Кира Олеговна? – спросил Вязин обеспокоенно.

– Я в норме, лейтенант.

Надо будет показаться врачу, подумала она, шагая к массивным дверям отдела «Сегмент». Это ненормально. Хотя что скажет врач? Пропишет транквили или релаксант, настучит на ноутбуке рапорт начальству и попутно пару страниц в диссертацию о странных эффектах в психике джамперов. Мы для них вещь непонятная и пугающая. Не верить в наше существование они не могут – вот мы, есть! Куда нас спрятать? Но что с нами делать и что мы за звери такие – для врачей тайна, покрывая мраком.

Постепенно, вытесняя сладкий чужой аромат и горьковатый привкус кофе, в ноздри все-таки пролез запах мерзлого бетона, старой пыли и льда. И еще – мокрой и обтрепанной ковровой дорожки.

Ею пахло особенно отчетливо и противно. Виноваты в этом были охранники, стоявшие, согласно уставу, по обе стороны дверей: поверх термоковриков, призванных не дать им отморозить ноги, они клали под подошвы форменных ботинок вырезанные из старых ковров куски.

Фольклор утверждал, что с таким вот ковриком из настоящей шерсти под ногами шансов простудить простату гораздо меньше – попробуй выстоять на стылом бетоне трехчасовую смену и остаться здоровым! Бред, конечно, но так как коврики никому не мешали, охрану не трогали, и пахло возле дверей отдела «Сегмент» противно – мокрой мертвой псиной.

За ее спиной зажужжал двигатель электрокара.

Значит, лейтенант Вязин опять едет в приемник. Интересно, сколько народу сегодня соберет Филипп? И что, собственно, нарыли математики?

Кира протянула ладонь в пасть сканера, немедленно вспыхнувшего чистым голубым цветом. Охранники сразу же потеряли к ней интерес. Она шагнула к двери, на этот раз подставляя под сканирующий луч роговицу, замок мигнул зеленым, щелкнули, срабатывая, запоры, и Кира вошла в отдел.

В «Сегменте» уже было тепло по-настоящему. Здесь энергию не экономили.

Кира оставила куртку и брюки в раздевалке, переделалась в джамп-комби, сменила боты с подогревом на обычную обувь. Она снова чувствовала себя в своей тарелке: четкая картинка, правильные запахи, нормальные звуки.

Наверное, сказались усталость, стресс или побочка от эффекта «усыхания» ДНК. На счетчике прыжков, встроенном в наручные часы заботливыми техниками, мерцала цифра 95. Еще пять – и будет сотня. Новый рекорд десятилетия. Говорят, Вол когда-то прыгал больше сотни раз. Искандер – то ли сто пятьдесят, то ли сто восемьдесят. Голикова прыгала до сотни. Но это все... Остальные за последние 10 лет до таких цифр не дотянули. Ботаник спекся на шестьдесят третьем, при ней и спекся – Кира прекрасно помнила, как Эрик открыл глаза и она, стоя за стеклянной стеной джамп-бокса, увидела кипящее в них безумие. Он успел разгромить установку и покалечить двух техников, пока не умер от передоза транквиля. В него всадили добрый десяток инъекторов с лекарством: таким можно свалить пятисоткилограммового белого медведя, а он не падал и не падал, до тех пор, пока не заблокировало центры дыхания и не остановилось сердце.

После оверджампа Ботаника Кира, у которой тогда было меньше тридцати прыжков, хотела уйти, но не ушла. Если бы кто-то спросил ее почему – не ответила бы. Не потому, что хотела сохранить мотивы в тайне, а потому, что действительно не знала. Не знала – и все.

За штабным дисплеем стоял Кирсанов.

Его лысый шишковатый череп бросался в глаза прямо от дверей – бледный шар, покрытый впадинами и буграми. Походило на то, что начальника службы матобеспечения покусал рой диких пчел. Алексей Гаврилович живых пчел не видел лет десять, а то и больше. Он никуда из Сантауна не выезжал, причем не только из соображений безопасности и секретности, но и потому, что искренне считал, что ему вне стен Базы делать нечего. Шишки, превращающие голову хозяина в некое подобие дуриана, расположились на его черепе от рождения. Врачи говорили, что у Алексея Гавриловича случилось редкое генетическое отклонение, и волосы его теперь росли не наружу, как у всех людей, а вовнутрь – под кожу. Выглядело это все не особенно аппетитно, Кирсанова в компаниях не привечали, судачили о его уродстве. Особенно отчаянные или неосведомленные о взрывном характере Алексея Гавриловича пытались похихикать за его спиной. Говорили, что несколько таких вот смельчаков о своей несдержанности пожалели, и сильно, но, возможно, рассказы о мстительности начальника службы матобеспечения оказались обычной выдумкой, легендой, призванной наводить страх на окружающих. В результате, задавать вопросы дураков не нашлось. Интересующиеся умолкли.

Сам Кирсанов свою своеобразную внешность не комментировал никак – нужным не считал. Единственное мнение, на которое Алексей полагался абсолютно, было собственное. Мнения остальных он не всегда слушал, и еще реже – учитывал.

Когда-то, на заре джампа, Кирсанов пару раз прыгнул, но потом был отстранен от оперативной работы и приказом начальника штаба переведен на матобеспечение – Базе понадобились его способности аналитика и умение ладить с учеными. Джампером он оказался слабеньким, не лишенным сантиментов, что никогда и никем в серьезных конторах не одобрялось.

Глаза у него действительно были добрыми – тут Кира не возражала, но назвать Алексея Гавриловича человеком сентиментальным мог только тот, кто никогда не сталкивался с ним в реальной жизни.

Именно Кирсанов, получив от математиков вероятностную модель, давал джамперам рекомендации по проведению боевых акций, указывая на возможные точки дестроя и людей, уничтожение которых могло привести к изменению в структуре Параллели-2. Хорошая работка для добряка, не так ли?

Увидев Киру, Кирсанов призывно махнул рукой.

– Здравствуй, Кирочка, здравствуй!

Темные глаза под рыжими бровями смотрели холодно, но рот начальника матобеспечения был растянут в улыбке.

Он провел ладонью по макушке, словно приглаживая несуществующие волосы.

– Присаживайся! Прости, что испоганил выходные.

Как всякий хороший оперативник, Кира была немножко эмпатом – Алексей казался напряжен, не зол, но очень собран, сосредоточен. Значит, времени реально мало. Кирсанов редко бьет в колокола, не имея на то веских причин.

– Все в порядке, – повторила Кира уже в сотый раз за день. – Еще кого-то ждем или я могу одеваться?

– Ждем, но попозже, – ответил Кирсанов. – Минут этак через десять. На кольцевой с запада заносы, разгребают... Садись, Кира Олеговна, и выдохни. Точка входа через, – он поглядел на часы, – сорок четыре минуты. Так что время есть. Одна ты сегодня не пойдешь. Чаю хочешь?

– Заботишься? – ухмыльнулась Давыдова, устраиваясь в кресле.

Кресло было тертое, мягкое, с чуть продавленным сиденьем. Уютное, но не домашнее. От него пахло казенным. Тут от всего пахло казенным, даже от Кирсанова. Хотя он был ничего мужик. Правильный, жесткий, но и не без желания иногда пофилософствовать – этакий казарменный мыслитель.

– А как же! – Алексей Гаврилович пожал плечами. – Странно, если бы я не заботился о своем джампере. Тем более, о таком, как ты, Кира.

Он щелкнул кнопкой электрочайника и нагреватель заработал: под белой пластиковой крышкой замерцал красный огонек. Едва слышно забурилась вода.

– Неужели? Да у тебя сейчас полсотни действующих джамперов, Кирсаных. Чем же я особенная?

– Девяносто шестой прыжок, – Кирсанов не обратил никакого внимания на ее иронию. – Сотня без четырех. За двадцать лет с момента открытия прыжков тех, кто перешагнул за сотню, можно посчитать на пальцах. Причем на пальцах одной руки. А вдруг все? Кончилась батарея? Вот именно сегодня, сейчас – раз! – И кончилась. Не страшно, а?

Давыдова посмотрела на него и покачала головой:

– Не страшно.

– А мне – страшно. Я каждый раз, когда подписываю тебе джамп, об этом думаю. И боюсь. За тебя боюсь. За ребят боюсь. С меня за допустимые потери никто не спросит. Но, Кира, я хочу, чтобы тебе было страшно. Чтобы ты вовремя остановилась.

– Мне не страшно, – повторила Кира упрямо. – Что-то ты, Алексей Гаврилович, не то говоришь. Ты же должен меня приободрять, твердить, что у меня впереди вечность. Мне же через три четверти часа прыгать неизвестно куда, душегубством заниматься, наш больной мир спасать. А ты мой боевой дух подрываешь... Мне надо о долге размышлять, о выполнении задания, о возвращении, наконец! А о том, что каждый прыжок может меня убить, мне вспоминать не с руки!

Он взял вскипевший чайник, налил в кружки кипятка и щедро сыпанул туда чайного концентрата. Вода мгновенно окрасилась в густой коричневато-золотой цвет, и по комнате потянуло сильным цветочным ароматом. Кира знала, что вкус этого питья куда хуже запаха, но все-таки с удовольствием взяла в ладони горячий сосуд и осторожно отпила, едва касаясь губами чуть выщербленного края.

Кирсанов тоже отхлебнул из кружки, слегка обжегся, чмокнул недовольно губами, и, усевшись в свое кресло, спросил:

– Не с руки, значит? И ты об этом совсем не думаешь? Ты уже подошла к сотне, а это на сегодня рекорд! И рекорд не спортивный, от тебя и твоего умения не зависящий. Просто так получилось. Джампер, доживший до сотни, – это кунштюк, его бы в Кунсткамере показывать, этого джампера... За необычные свойства организма.

– Так последним мог быть любой из прыжков, – сказала Кира. – И пятый, и десятый, и 66-й! Ты же знаешь – заранее никто и ничего не чувствует. Нельзя предугадать, когда кончится батарейка, и может быть, это неплохо – просто в какой-то момент погасят свет... И на этом все...

Кирсанов помолчал немного, сморщил нос и, странно отставив мизинец, почесал им бровь.

– Как это манерно, Давыдова. Чтобы не сказать, как глупо. Впрочем, помешать тебе я не могу. Джамперы – они расходный материал. Ты уж прости, что мне захотелось, чтобы ты жила дальше. Не прав я. Мне надо твой боевой дух поднимать, так?

– Чего ты злишься, Леша? – спросила Кира негромко. – Ты спросил – я ответила. Ты меня из постели вытащил. Из тепла, от бутылки вина, от мужчины. Я приехала не потому, что хотела. А потому, что – надо! Я знаю, что это надо. Ты знаешь, что это надо. Возможно, именно

сегодня нам удастся вернуть себе наш старый мир. Мы же для этого работаем, а, Кирсанов? В это верим?

– Ты смелее меня, Давыдова.

– Глупости, – сказала Кира. – Я не знаю, что страшнее: идти в джамп или ждать, когда вернутся те, кого ты туда отправляешь. Я бы с тобой не поменялась.

– Никто бы со мной не поменялся, – Кирсанов поднял на нее взгляд (взгляд, еще минуту назад растерянный, ищущий, изменился, стал привычным – расчетливым, жестким, словно последние несколько фраз выморозили из него все эмоции) и ухмыльнулся. – Оставь надежду, всякий здесь сидящий... Ты – кругом права. Моя лямка – мне и тянуть. Знаешь, Кира, была такая легенда у греков о перевозчике Хароне. Работа у него была с виду простая – возил народ с одного берега реки на другой. В один конец. Только вот два берега – это берег живых и берег царства мертвых. А текущая между ними река – Стикс, река забвения. И он плавает вечно туда-сюда, туда-сюда. И ему не пристать – ни к живым, ни к мертвецам. В безвременьи...

Алексей Гаврилович повел плечами, словно ежась от холода, и продолжил:

– Такую работенку можно схлопотать только за грехи, причем за грехи тяжкие – и не иначе.

– Я знаю, кто такой Харон...

– Кто б сомневался!

– Это не ты.

– Ну конечно! Какой из меня перевозчик? Я – начальник группы матобеспечения. Я даже не оперативник. Ты прости меня, больше я тебя доставать не буду. Ты девочка взрослая, знаешь, что делаешь. Значит, так... Приступим к делу. Сегодня поведешь группу...

– Свою? – перебила Кира.

– Свою, – успокоил ее Кирсанов. – Андрон, Рич, Сипуха. Только без Котлетки пойдете. Она вторые сутки в изоляторе: вирус. Температура под сорок. Рвется в бой, но слаба, как медведь весной. С тобой пойдут только четверо...

– Кто-то из твоих людей?

Кирсанов вздохнул, предвидя реакцию.

– Попрыгун с тобой пойдет.

Давыдова поморщилась, как от зубной боли.

– Это ты зря! Он знаешь как стреляет? Просто зверь!

– У него четыре джампа! Всего четыре! – недовольно возразила Кира. – Ты даешь мне в пятерку необстрелянного курсанта. Спасибо тебе, Гаврилович!

– Пожалуйста, – отрезал Кирсанов и нахмурился, отчего кожа на его голове забугрилась еще больше. – Вот ты его и обстреляешь. Или мне его надо с другими новичками в мясорубку посылать? Он не слабое звено. Хороший парень, голова варит – только опыта нет. Пойдет с тобой.

– Проехали. Прости, Кирсаныч, я не права.

– Я знаю, – кивнул Алексей Гаврилович, сбавляя тон. Он встал, и Кира в очередной раз удивилась его росту и внешней нескладности. – Смотри.

Он развернул на оперативном экране карту.

– Знакомый город, – сказала Давыдова, прищурившись. – Будапешт?

Она протянула руку и превратила изображение в трехмерное.

– Точно, Будапешт. Мир Ноль. Там сейчас тепло. Октябрь. Листья падают. Я тебе даже немного завидую. – Кирсанов двинул кистью, и часть карты запульсировала, выдвигаясь на передний план. – Это зона вероятности. Запаса времени не будет. Полчаса – это полчаса, не сорок и даже не тридцать семь. Мои расчетчики говорят, что даже 25 минут – большой риск, но у тебя ровно столько на все про все. Последняя пятиминутка – твой резерв. Потом обратного пути не будет. И наш с тобой сегодняшний разговор потеряет всякий смысл.

– Что надо делать на этот раз?

Кирсанов посмотрел на часы. Было похоже, что обычно хладнокровный Алексей Гаврилович слегка занервничал.

– То, что ты умеешь делать лучше всего.

– Смотреть на то, как падают листья?

Кирсанов улыбнулся одной половиной рта. Если он хотел показаться милашкой, то из этого ничего не получилось.

– Ну что ты, Кира! Спасать наш сраный мир. Если сможешь его спасти, конечно.

Глава 5

Мир Зеро. Будапешт, Венгрия. Октябрь.

Есть вещи, к которым привыкнуть нельзя. Даже если ты джампер со стажем: переход – это всегда переход.

Кирилл ударился грудью о рулевое колесо. Удар был не так силен, чтобы треснули ребра, но вполне достаточен, чтобы забить дыхание. Давыдов покраснел лицом, постарался вдохнуть, но лишь издал сипение и захлопал губами, как боксер, которому попали в солнечное сплетение.

Ему повезло – он не потерял сознание и успел выровнять машину до того, как пробил ограждение моста. Еще пара секунд, и она бы улетела вниз, в серые воды здешней реки. Продолжая хватать ртом воздух, Давыдов несколько раз энергично крутанул руль. Инстинкт самосохранения подсказывал ему тормозить, но он, вопреки рефлексу, придавил педаль газа вместо педали тормоза и таки умудрился увести автомобиль из-под огромного туристического автобуса, едущего навстречу.

До смерти оставались сантиметры, а возможно, и меньше, у него не было времени над этим размышлять. Действовать. Действовать! Для начала понять, кто он и где.

Он даже не сразу сообразил, что в уши ему бьет не визг покрышек, а пронзительный вопль двух пассажирок на заднем сиденье. Перекошенные от страха лица девушек отражались в зеркале заднего вида, вернее, даже не лица, а распахнутые до предела рты. Работу дантиста и состояние миндалин можно было оценить, не вставая с водительского места.

Нужно было входить в роль и в здешнее тело – времени мало, до получаса, считая резерв. Разум Кирилла работал быстро, на пределе возможностей.

Руки у его нынешнего носителя нестарые, ощущения, что он попал в изношенный организм, тоже нет. Можно считать, что повезло. Это первый плюс.

Город... Если джамп расчетный, то это...

Да. Знакомый пейзаж – тысячи открыток когда-то растиражировали по миру эти крыши, реку, мосты и замок, обнесенный стеной.

Рыбацкий бастион. Будапешт. Отлично. На месте. Плюс номер два.

Резким движением он повернул к себе зеркало заднего вида.

От сорока до пятидесяти. Белый. Европейец. Смугловат. Волосы темные, редкие, зачесаны назад. Седины практически нет, значит, носитель красится. Это не плюс, но приятная деталь.

Руки... На среднем и указательном пальце руки, лежащей на баранке, кожа желтоватая. Курит.

Одет в легкий свитер-водолазку, джинсы и пиджак. Слегка не по сезону, но день теплый, солнечный – замерзнуть трудно. Для конца октября просто превосходный день.

Машина – такси. Рация, электронный таксометр, на экране 3 евро. Лицензия с фотографией – Ференц Месар, 47 лет, адрес здешний. Марка автомобиля «фольксваген», если судить по эмблеме в центре баранки. Не первой свежести, не лучшей комплектации: сиденья даже не тканевые: винил – дешевый развозной вариант. Такой же дешевый, как и часы с потертым ремешком на левой руке таксиста. То есть, поправил себя Давыдов, на его собственной левой руке.

Не замедляя хода, Кирилл распахнул бардачок и вывернул его содержимое на свободное переднее сиденье. Ничего полезного. Он на всякий случай пошарил в глубине перчаточного ящика. Ни ножа, ни пистолета – а откуда, собственно, им там взяться? Только куча старых чеков, несколько леденцов, липких от старости, смятая пачка дешевых сигарет, монетки. Черт! Зато сзади восседают две крикливые дамы: одной хорошо за тридцать, второй чуть до трид-

цати. Обе белобрысые. Обе испуганные. Обе истеричные. У младшей от шока дрожат губы. Старшая зла как мегера! Того гляди вцепится в загривок. Только этого еще и не хватало.

– Все в порядке! – сказал Давыдов по-английски и изобразил на лице подобие улыбки. – Не надо волноваться!

– Дебил, – прошипела старшая на чистом русском. С чувством прошипела, с большим желанием съездить неуклюжему таксисту по физиономии. – Ты же нас чуть не угробил, мудака! Куда едешь? Куда ты прешь? Мила, не бойся! Я сейчас такое устрою этому козлу! Ты чего на дорогу не смотришь, а, животное?

Кирилл едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

Соотечественницы. Ну, почти соотечественницы. Можно считать, землячки – пусть из здешнего мира, но до боли знакомые персонажи. Такие и сейчас водятся далеко на севере, там, где Мурманская Ривьера, пальмы, зеленая до невозможности трава и мох на скалах...

Южнее такие экземпляры встречаются редко, больно уж суровы условия. Не выживают принцессы в условиях нового мира.

Давыдов глянул через плечо, столкнулся с прожигающим насквозь взглядом старшей блондинки и неожиданно ей подмигнул.

– Ничего, сестренка, считай – приехали!

Дама задыхнулась от возмущения, не сразу сообразив, что с ней говорят на ее языке.

– Сестренка? Какая я тебе сестренка, быдлан!

А Кирилл уже забыл и о ней, и о перепуганной подруге Милочке – девице невнятного возраста с заячьим двузубым оскалом, примерзшим к белесому личику. Были дела поважнее, и время не уходило: оно истекало, словно вино из треснувшей бутылки – быстро, неумолимо, бесконтрольно. Давыдов не мог точно определить, но прошло не менее трех минут с тех пор, как он влетел в тело носителя, выбив из Ференца Месара сознание и заставив приложиться грудью о руль.

Значит, так...

Он едет из Буды в Пешт, слева видно здание Парламента. Значит, если он правильно помнит карту, это Цепной мост. Слева виден мост Маргид. Сто процентов из ста – он везет пассажира на шопинг. Сорри, дамочки, но с шопингом выйдет незадача. Вы-то на него, конечно, обязательно попадете, но довезет вас кто-нибудь другой.

Кирилл швырнул «фольксваген» в поворот, не снижая скорости. Машину занесло. Покрышки и соотечественницы завизжали одновременно, но автомобиль не перевернулся, а, вильнув хвостом перед самым носом представительского «мерседеса», подплывавшего к стеклянному кубу отеля со стороны города, благополучно затормозил возле «Интерконтинентала». Гулко ударившись рычагами о гранитный бордюр, «фолькс» остановился передними колесами на газоне.

Давыдов заглушил двигатель и вывалился из салона, не обращая внимания на ругань, несущуюся ему вслед. Секундная стрелка неумолимо двигалась по кругу, а сделать предстояло много. Или не сделать. Тут уж как повезет.

Молодая пара с ребенком. У девушки рука должна быть на перевязи – в лангете. Мужчину и ребенка можно и не трогать.

Девушку нужно убить.

Он понятия не имел, что рассчитал компьютер – какой именно жгут и с какой вероятностью был прикреплен к неизвестной ему молодой женщине. Он вообще старался не думать о ней как о женщине – иначе пришлось бы думать о себе как об убийце. Он не убийца. Он делает свою работу. От этой работы зависит жизнь его мира – не одной неизвестной ему особи женского пола, а миллионов людей. Его мир поставил все на победу, и если для достижения цели нужно будет убивать – он будет убивать. Оборвать жгут, изменить вероятность. Все остальное... неважно.

На набережной Дуная собралось полно народу. Здесь всегда бурлила многолюдная толпа, а в теплые осенние дни – особенно. Туристы и местные зеваки, уличные торговцы, музыканты, старики, мечтающие посидеть на лавочках да погреть старые кости, молодые мамы с колясками, шустрые подростки на роликах – кого тут только не было! Тысячи голосов сливались в один низкий волнующий звук, от которого чуть-чуть чесались зубы – словно в воздухе над набережной завис огромный работающий трансформатор и гудел, гудел, гудел... И в этой мешанине лиц, в этой бессистемно перетекающей от ларька к ларьку людской каше Давыдов должен был найти свою цель.

Найти и уничтожить.

Эта набережная, люди, звуки живущего огромного города и даже легкое дуновение прохлады от закованной в бетон и гранит реки напоминали давно исчезнувший мир, оставшийся в памяти с детских лет. И это почти абсолютное сходство не радовало. Каждый раз, попадая в Зеро, Давыдов испытывал не охотничий азарт, не возбуждение перед очередной акцией и не облегчение после очередного удачного джампа. Он ощущал острую и болезненную, как укол цыганской иглой, тоску. Фантомную боль. Ностальгию по миру, в котором солнце было ласковым и дети иногда играли в снежки. По миру, который много лет назад исчез. Сгорел в лучах обезумевшего светила.

И именно эта тоска заставляла его делать то, что должно, насколько бы страшным не было то, что он делал. Иначе тот мир не вернуть. Никогда. А Кирилл хотел его вернуть. Пусть из чисто эгоистических соображений, но хотел.

Люди, лица, люди, лица...

Он лихорадочно вглядывался в прохожих, в сидящих на скамейках, в стоящих у парапетов.

Девушка с рукой на перевязи.

Мужчина.

Ребенок.

Где-то в этой же толпе двигались ребята из его группы. Он не мог узнать своих – сейчас у них были чужие лица, чужие тела, но Давыдов был уверен, что они здесь, в радиусе нескольких сот метров от него. Все четверо находятся рядом. Идут, прочесывая толпу глазами. Еще минута, две, пять – и он увидит хотя бы нескольких из них. А, возможно, что и не увидит – поставленная перед группой задача с каждой секундой становилась все более и более нереальной.

Хотелось заорать. А еще лучше – выстрелить в воздух.

Первое бесполезно, второе невозможно.

Он закурился головой в поисках цели, стараясь охватить взглядом как можно больше идущих мимо людей.

Мир Зеро. Будапешт. Венгрия. Октябрь

Джамп у Киры получился жестким.

Носитель несся по набережной на роликовых коньках, ловко лавируя между прохожими, и в момент перехода, когда сознание покинуло его, рухнул на бетонную плитку, проехавшись по ней плечом и щекой.

Падала на землю, сдирая кожу о шершавый камень, рослая девушка лет восемнадцати, а волна боли накрыла уже не ее, а Киру, надевшую новое тело.

Больно было очень. Саднил рассаженный локоть и огнем пекло расцарапанную скулу. Кира на секунду потеряла связь с реальностью – мир вокруг поплыл, закружился, стал нерезким – и застонала, чувствуя, как ее поднимают с тротуара чьи-то сильные руки. Она слышала голоса на незнакомом языке – эти люди явно обращались к ней, интонации были тревожны, они ждали ответа, а Давыдова только трясла головой. Окружающий ее мир не желал приходить

в норму – джамп сам по себе может вызывать расстройства вестибулярного аппарата, а если после прыжка приложиться головой о мостовую, то эффект получается просто потрясающий.

Из розово-желтого тумана выплыло мужское лицо в нелепых роговых очках. Лицо шевелило губами, толстые щеки тряслись и голос звучал, как потусторонний – низкий, искаженный.

– Киинииииира... Киинииииира...

Какого черта? Он зовет меня по имени, но в этом мире у меня нет имени – я его не знаю! Ох, как больно!

Давыдова зажмурилась изо всех сил, и это, как ни странно, помогло. Боль, конечно, не прошла, зато, распахнув глаза, она увидела мир хотя черно-белым, но резким.

А еще через мгновение он обрел цвет.

Вокруг были люди. Много людей, привлеченных ее падением и последующей суматохой. Все они кололи ее взглядами, заслоняли небо...

– Кира, это ты? – спросил еще раз по-русски толстяк-очкарик. На самом деле у него был не бас, а слегка дребезжащий баритон, – не скажешь, что слишком приятный. – Жером! Жером! Не дергайся ты! Кира? Ты слышишь меня?

Она не сразу сообразила, что это кто-то из группы. Из ее группы. Он сказал пароль. Она должна ответить.

– Андрон? – прошептала она едва слышно, – Отзыв – капель! Капель!

И мужчина расплылся в улыбке.

– Вот и отлично! Вот и здорово! Только я не Андрон... Я – Рич, Кира. Рич. Повезло мне с тельцем на этот раз! Встать можешь?

Кира кивнула.

– Я сразу понял, что это ты падаешь. Меня самого едва не поломало о скамейку. Давай, поднимайся, поднимайся... – Он протянул ей руку, и Кира с радостью ухватилась за влажную, чуть липкую ладонь. – Вставай, вставай! Нет времени отдыхать, командир!

Давыдова привстала на одно колено, а потом, кряхтя, выпрямилась.

– Я знаю... Сколько времени я лежала, Ричи? – прошептала она в полголоса.

– Минуты две-три, не меньше...

– Я в порядке, – Кира сказала это уже по-английски и как можно громче, чтобы толпа расслышала и потеряла к ней интерес. – Спасибо! Спасибо всем! Я уже в порядке!

Толпа разочарованно загудела и начали расходиться: ничего интересного! Туристка упала, катаясь на роликах, эка невидаль! Ни крови, ни переломов, ни скорой... Скукотища!

Кира крутила головой, расточая благодарные улыбки, а Рич поддерживал ее за талию – стоять на коньках после джампа и падения было очень сложно.

– Остальные? – спросила она тихонько.

– Пока не вижу. Будем искать?

– Нет времени искать... Обойдемся. Нужно только ее найти.

– Точно, – подтвердил Рич, подставляя ей плечо. – Хотя не думаю, что в такой толпе мы легко с этим справимся. Но это не единственная проблема. У нас гости, командир.

Толпа расходилась, и это было здорово, но со стороны реки к ним приближались двое полицейских. Парни как на подбор, таких не грех и на племя разводить – рост хорошо за метр восемьдесят, плечистые, подтянутые. Черная форма, наручники, баллон со слезогонкой, пистолет в кобуре – вариант назывался «готов к любым неожиданностям».

«На самом-то деле не к любым, – подумала Кира, глядя на спокойные холеные лица стражей порядка, простых патрульных, давно не встречавших ничего страшнее обдолбанного до потери подвижности наркомана или перепившего горожанина. – Что ж... Сытая жизнь развращает. Чем самоувереннее, тем беззащитнее. Через минуту и у нас будут пистолеты. И дубинки. И баллоны с газом. Это прекрасно. Это просто сюрприз. Если бы еще не эти дурацкие ролики,

из-за которых разъезжаются ноги! И идущая кругом от резких движений голова. Хорошо, что она не моя, а прокатная. Точно заработала сотрясение».

– Готовься, – прошептала Давыдова на ухо Ричу. – Подбери свое брюшко, Ричи. Будем их брать.

И в тот же момент ощутила, как ей жарко. Жарко и удивительно приятно. Кирсанов не соврал – бабье лето.

– Патрульных? – переспросил зачем-то Рич. – Я готов, командир!

– Главное, чтобы поблизости не оказалось еще двоих полисменов. – Кира оперлась ладонями на колени и быстро огляделась вокруг из-под упавшей на глаза челки. – Если их поддержка близко, то расслабиться нам не дадут. Вот тогда-то и случатся настоящие неприятности.

Полицейские были настроены добродушно и явно не ожидали никаких неприятностей от девушки-роллера с помятым в падении лицом и очкастого толстяка, поддерживающего ее под руку.

– Jó napot kívánok!

– Jó napot... – поздоровался Рич.

– Hogy állnak a dolgai? Minden rendben van?

– Köszönöm, minden rendben van...⁶

Стояли ребята грамотно, но недостаточно далеко от Киры и Рича. Впрочем, кто бы мог предположить, что упавшая девушка и увальень, взявшийся ей помочь, на самом деле – тренированные убийцы с богатым боевым опытом?

Кира качнулась, словно теряя равновесие, Рич сделал вид, что не успевает ее подхватить. Стоявший ближе к Давыдовой молодой полисмен сделал шаг вперед, и Кира в доли секунды скользнула ему за спину, исполнив достаточно сложное па, похожее на элемент из экзотического танца. Локоть ее здоровой руки врезался полицейскому в печень, колено ударило в сгиб правой ноги и, когда парень начал заваливаться на спину, Давыдова уже взяла его в замок за шею, а пистолет – это оказался мощный полимерный «Глок-9» – уперся бедняге в правую почку.

Рич действовал безо всякого изящества, па и прочих излишеств – сократил дистанцию и ударил второго полисмена в солнечное сплетение. От такого удара никакой пресс не спасает, и бил Рич не сильно, а ровно как надо, чтобы не убить, а отправить оппонента в нокаут.

– Умпц! – выдохнул полисмен, когда кулак безобидного с виду толстяка выбил из него весь воздух.

Его пистолет оказался в руках Рича, и тот аккуратно опустил обмякшее тело стража закона на землю. Кира сжала замок, ее пленник захрипел, задергался, но прием отработывался на тренировках сотни раз, а тело носителя оказалось достаточно сильным для успешного исполнения удушающего захвата, так что через несколько секунд и второй страж порядка, потеряв сознание, очутился на мостовой.

На все вместе с разговорами ушли считанные секунды.

– Есть! – Кира качнулась, но равновесия не потеряла. – Бери «слезогонку» и дубинку. Ищем...

– Девушку с рукой на перевязи. В гипсе.

Рич перехватил дубинку поудобнее.

– Наша задача, – сказала Давыдова, – сделать так, чтобы с ее головы не упал ни единый волосок. Остальное – по обстоятельствам... Вот, сейчас начнется!

Толпа цепенеет от неожиданности, но, к сожалению, длится это недолго.

Лежащие на земле полицейские и черные пистолеты в руках странного вида гражданских, привели в действие групповой инстинкт самосохранения и человеческая масса внезапно заше-

⁶ – Добрый день!– Здравствуйте...– Как ваши дела? Все хорошо?– Спасибо, все хорошо... (Венг.)

велилась, поползла, как перестоявшее в тепле дрожжевое тесто, выдохнула со стоном застрявший в сотнях грудей воздух и бросилась врассыпную.

– Началось! – крикнул Рич визгливо, засмеялся лающим смехом, и пальнул в воздух. Звонкий выстрел вспорол спокойствие и негу теплого осеннего дня, как сабельный удар подушку. – Ложись!

Завизжали женщины.

– Дорогу! – заорала Кира и тоже выстрелила в синее яркое небо.

Мир Зеро. Будапешт. Венгрия. Октябрь

Пистолетный выстрел ударил в сотне метров от Кирилла.

Он невольно присел, ноги стали пружинами, мышцы задрожали от напряжения. Даже в чужом теле работали его, Кирилла, рефлексy.

Взревела перепуганная толпа и Давыдов понял, что сейчас начнется паника. Люди побегут кто куда и, если найти цель среди тысяч прохожих очень сложно, но все-таки теоретически возможно, то обнаружить объект в бегущей перепуганной людской каше, полностью нереально. Вопрос чистого везения, а оно, как известно, случается редко и вовсе не всегда в нужный момент.

Щелкнуло еще раз.

И еще.

Кирилл наконец-то увидел тех, кто стрелял: девушка на роликах – высокая, стройная, чуть угловатая по причине молодости, с красивым оцарапанным лицом, и толстяк в смешных роговых очках, похожий на китайского божка. Толстяк был с виду мягким и розовым, только вот ухмылка у него была совершенно из другой оперы, и пистолет в пухлой лапе с образом добродушного увальня явно диссонировал, зато со взглядом находился в совершенном согласии.

Девушка оглядывалась, вполне профессионально держа пистолет у груди, и Давыдов мгновенно присел, стараясь не выделяться на фоне бегущих в панике горожан. Момент был опасным – безоружный, в одиночестве, минимум два вооруженных человека в тридцати шагах. Кто они? Свои? Или чужие? И ведь не спросишь же! Не крикнешь! А что, если и эту точку вычислили в другой Параллели? В последнее время такое происходит практически в каждом втором джампе, а может быть, и чаще. И у нас, и у них – хорошие вычислители, способные определить точку вероятности с максимально возможной достоверностью. Что это значит, если говорить человеческим языком?

Давыдов начал двигаться, но не прочь от опасности, а ровным счетом наоборот, стараясь подобраться ближе к странной паре.

Это значит, что сейчас здесь, на Набережной, начали операцию две группы – наша и чужая. Численность противника? Неизвестна. Задание? Можно предположить, что оно полностью противоположно полученному мной. И если мы должны убить девушку с загипсованной рукой, то задача антагонистов – этого не допустить. Единственное, что утешает – сейчас и свои, и чужие станут видны как на ладони. Люди из Параллелей не побегут, они здесь не для того, чтобы бегать.

Грудастая матрона в неожиданно коротком пальто едва не сбила его с ног. Она двигалась со скоростью и грацией испуганного носорога (Кирилл еще помнил документальные фильмы об африканской фауне) и, попадись ей на пути стена, снесла бы ее с легкостью. Давыдова закрутило, он едва не упал – получил несколько чувствительных тычков локтями, болезненный удар по коленной чашечке, но на ногах устоял. Толпа несла его, но Кирилл умудрялся двигаться против течения, не высовываясь и не выпуская двоих стрелков из поля зрения.

Где же остальные? Где его группа? Пятеро его ребят? А вдруг эти двое – его? Что если крикнуть пароль погромче? Какова вероятность, что ему тут же не отстреляют голову? Вот сукины дети! Откуда у них пистолеты?

Давыдов шарил взглядом по толпе, стараясь объять необъятное и увидеть сразу всю картину (желательно присутствие на ней и девушки со сломанной рукой), но засек лишь странного старика в мягкой шляпе, который, вместо того, чтобы убежать со всеми вместе, стоял, словно утес в течении реки, отталкивая особенно шустрых своей тростью с резиновым набалдашником.

Старик – это легче. Во всяком случае, куда как безопаснее для здоровья, чем эти pistolero⁷, несмотря на трость. С тростью мы еще повоюем, а вот с «глоком»...

Ствол уперся ему в позвоночник, и кто-то большой горячодохнул в затылок.

– Спокойно.

Говорили на русском, правда, с акцентом.

– Не дергайся – выстрелю.

Давыдов просчитал свои шансы подергаться и решил, что незнакомца стоит послушаться. Оружие было зажато между его спиной и животом нападавшего, который плотно прижался сзади. Шансов не было. Вообще. Главное – не паниковать. Это может быть кто-то из своих, ведь так?

– Жером, – произнес человек ему в ухо.

Твою мать, подумал Давыдов.

Ему не было страшно, но очень не хотелось умирать.

⁷ Убийцы (исп.).

Глава 6

Мир Зеро. Аруба. Октябрь

– Терпеть не могу спускаться на твои затонувшие корабли!

Карина прекрасно смотрелась в тонком гидрокостюме, и Денис с трудом оторвал взгляд от затянутой в неопрен фигурки жены.

– Это не дайвинг! Это разновидность некрофилии!

– Ты права, повелительница! – Он сложил руки на груди, словно для мусульманской молитвы, и покорно наклонил голову.

В этот момент лодку тряхнуло, и Денис едва не вылетел за борт, чудом ухватившись за леер в самый последний момент.

– Я серьезно, Давыдов, – сказала Карина. – Когда ты лезешь в эти ржавые посудины, я чувствую себя так, словно копаюсь в чужих кишках! Я согласна смотреть на рыбок, искать скатов... Да я согласна даже нырять с тобой к акулам, но только не эти твои рэки⁸!

– Я понял, повелительница, – повторил Денис, на этот раз не отпуская леера.

Стоящий за штурвалом рулевой ухмыльнулся.

– И чего ты заладил – повелительница, повелительница... Какая я, к черту, повелительница, если ты меня не слушаешь?

Давыдов поманил жену рукой и что-то прошептал ей на ухо.

Карина фыркнула, попыталась шлепнуть мужа по макушке, но лодку снова тряхнуло на мелкой волне и, не ухвати Денис жену за талию, лететь бы ей с надувного борта в воду.

⁸ *shipwreck, wreck* – корабль, потерпевший кораблекрушение, затонувший корабль. Карина пользуется дайверским слэнгом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.